

Попов И.О. КНЯЖЕСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ (ГЕНЕЗИС И КЛАССИФИКАЦИЯ)

// СПб. – 1998. На правах рукописи

*Как у нас во городе во Галиче
У моей государыни у матушки
У собора пресвятыя Богородицы
Мощены мосточки все калиновы
А вбиты гвоздочки шоломчатые
Расстилены сукна багряцовые
Есть грядни палаты белокаменны
Полю и среда одного серебра
Широкий двор на семи верстах
И около заборы позолочены!
(Былина о Дюке Степановиче)*

Княжеские резиденции являются важнейшей частью древнерусского города. Причем эта категория памятников – многоаспектная: они представляют собой с одной стороны, сложнейший архитектурный объект, а с другой – один из самых главных районов города, место жительства князя. Но если топографии древнерусских городов посвящено большое количество работ, то рассмотрению конкретных резиденций – довольно мало. Это противоречие объясняется очень просто: от этих памятников (за редким исключением) почти ничего не сохранилось и их количество крайне невелико (около 20). Кроме констатации факта, что в определенном месте города находился «княжеский двор», сказать что-то более конкретное практически невозможно.

Только на основе многоаспектного анализа и рассмотрения различных источников можно делать какие-либо выводы. Из этих источников следует в первую очередь назвать собственно археологические, дающие все-таки довольно большой объем информации (топография, план, строительные материалы и конструкции, элементы интерьера и экстерьера). Не меньшую роль играют и «Летописи», которые позволяют локализовать княжеские дворы в конкретных частях города и реконструировать (иногда довольно подробно) их структуру.

К этим двум категориям источников следует, хотя и с большой осторожностью, прибавить иллюстрации некоторых «Летописей» и «Хроник» (в первую очередь – Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи и хроник Георгия Амартола и Иоанна Скилицы), а также отрывочные свидетельства «Былин» и «Песен». Безусловно, что их информацию нельзя понимать буквально, т.к. она весьма опосредованно передает сведения о реальной действительности.

Т.о. лишь работа, сочетающая в себе рассмотрение всех этих категорий источников, позволит составить общее представление о княжеских резиденциях древней Руси.

Вместе с тем нельзя забывать, что проблемы, связанные с этой темой, распадаются на две группы: собственно исторические и архитектурно-археологические. Конечно, в первую очередь моя работа посвящена второй группе вопросов, однако не рассмотреть первую – значило бы «вырвать» княжеские резиденции из контекста. Безусловно, исторические аспекты требуют особого рассмотрения, но полностью их нельзя «обходить», поэтому в некоторых случаях частично будут проанализированы и они.

Исходя из вышеизложенного, статья построена по следующему плану:

- в первой части - «Первые города и княжеские резиденции» конспективно проанализирована проблема возникновения первых городов на Руси в контексте вопроса о княжеских резиденциях, показаны некоторые особенности городищ Севера и Юга, их социальный облик и роль в процессе градообразования, рассмотрена история изучения княжеских резиденций (княжеских дворов).
- вторая часть - «Летописные известия и археологические реалии» посвящена рассмотрению летописных сообщений о постройках княжеского двора и соотношению их с археологическими источниками. Проанализированы летописные сведения, применявшиеся для обозначения жилища князя, рассмотрены вопросы их этимологии. Привлечены некоторые сведения и других источников (иллюстрации, былины), показана особенность обоих свидетельств.
- в третьей части- «Структура и типология “дворцовых комплексов”» рассматриваются функции и структура отдельных частей резиденций, их связь между собой, проблем реконструкции интерьера и экстерьера, особенности строительства «дворцов» и различные категории материала, для этого применявшиеся; предложена типология «княжеских резиденций» по внутренней структуре, характеру построек и по расположению относительно города. Показаны основные хронологические особенности и различия в развитии резиденций.

К работе прилагаются два «Каталога»: «Дворцовые комплексы по археологическим источникам» и «дворцовые комплексы по летописным и косвенным источникам. В заключении изложены выводы и перспективы исследования.

Часть 1. ПЕРВЫЕ ГОРОДА И КНЯЖЕСКИЕ РЕЗИДЕНЦИИ

Княжеские резиденции (или дворы) составляли часть древнерусского города, поэтому представляется логичным, прежде чем перейти к рассмотрению собственно резиденций, проанализировать проблему возникновения городов в целом (хотя и конспективно – это не основная цель работы, да и тема крайне сложна), и определиться – что же представляет из себя древнерусский город, и на каком этапе его развития появляются первые «княжеские дворы».

Проблема происхождения древнерусского города является наиболее древней и дискуссионной в российской и советской историографии. Начало ей было положено еще в XVIII веке работами В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, М. М. Щербатова и др. В XIX веке этой проблеме посвящали свои работы такие выдающиеся историки, как С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, В. И. Сергеевич, В. О. Ключевский. Именно тогда сложились основные положения так называемой «торговой теории», предложенной В. О. Ключевским: историк тесно увязал возникновение первых городов с процессом славянского расселения, рассматривая их генезис, как генезис экономических центров (торговых средоточий), а движущей силой в этом признавал внешнюю торговлю, прежде всего – восточную [Носов 1993: 60]. «Вооруженный торговый город стал узлом первой крупной политической формы, завязавшейся среди восточных славян на новых местах жительства» [Ключевский 1919: 21] – вот основной тезис, легший в основу так называемой «торговой теории». В дальнейшем именно отношение к этой теории определило основные «школы» по изучению древнерусского города.

В 1920 – 1930 гг. Н. А. Рожков и М. Н. Покровский, в общих чертах, соглашались с важной ролью «торговой» функции древнерусских городов, признавая ее «основной функцией социально-экономического образования» – т. е., города. Затем, однако, в рамках «марксистской школы» сформировалась точка зрения о городе как о составной части феодализма,

центре феодального производства и феодальных производственных отношений, порожденных потребностями сельского хозяйства и феодального землевладения [Носов 1993: 61]. Основные положения этой концепции были выдвинуты С.В.Юшковым и развиты М.Н.Тихомировым. Суть ее сводилась к следующему: «племенной город», т.е. место концентрации племенной власти, возникает как центр всей территории, занятой племенем, и тесно связан с формированием округа и земледельческого хозяйства [Юшков, 1939: 23-172]. М.Н.Тихомиров отчетливо сформулировал понятие «города» – как центра ремесла и торговли, продукт формирования классового общества; его существование обуславливалось внутренними потребностями хозяйства Древней Руси; при этом торгово-ремесленные функции признавались «вторичными» [Тихомиров, 1956: 9-32, 52-64]. По мнению исследователя ядрами формирующихся городов были укрепленные княжеские детинцы (! -- И.П.) , выраставшие из славянских «городов», которые являлись центрами округов и племенных образований. Однако археологическая характеристика «княжеского детинца» и доказательство его преемственности со «славянским градом» в работе отсутствует.

Б.Д.Греков рассматривал города как неотъемлимую часть феодального строя, однако он решительно не согласен с С.В. Юшковым в вопросе о существовании на Руси т.н. племенных городов». «Если в племени появились города, то это значит, что племени уже как такового не существует... Появление городов обозначает разрушение родоплеменного строя» По мнению исследователя, в основе процесса образования древнейших городов лежит отделение ремесла от сельского хозяйства; важная роль отводится и международной торговле [Греков, 1949: 27, 28 и др.]

Т.о. к концу 1940-х годов, как отмечает Е.Н.Носов, в советской историографии сложилось две концепции происхождения города, сформулированные с одной стороны С.В.Юшковым и М.Н.Тихомировым (которые полностью опровергли «торговую теорию» В.О.Ключевского), а с другой Б.Д.Грековым (который признавал фактор международной торговли весьма существенным).

В 1980-е годы в целом ряде работ к рассмотрению вопросов о происхождении городов обратился А.В.Куза. Исследователь счел удачным определение города, данное О.Г.Большаковым и В.А.Якобсоном, согласно которому город – «населенный пункт, основной функцией которого является концентрация и перераспределение прибавочного продукта» [Большаков, Якобсон, 1983: 46-52], и дал следующее определение древнерусского города: «постоянный населенный пункт, в котором с обширной сельской округи-волости концентрировалась, перерабатывалась и перераспределялась большая часть произведенного там прибавочного продукта» [Куза, 1984: 9, 10 и др.]. А.В.Куза наметил четыре основных варианта образования древнерусских городов:

1. из племенных или межплеменных центров
2. из укрепленного стана
3. из порубежной крепости
4. единовременное строительство города [Куза, 1989: 16].

Эту же линию историографии продолжает и П.П.Толочко: он считает, что древнейший русский город был «в основе своей аграрным, рождением и развитием целиком обязанный сельскохозяйственной округе» [Толочко, 1989: 39]. Для нас любопытно, какую роль отводит исследователь княжеским дворам: «княжеские дворы, -- писал П.П.Толочко, -- один существенных компонентов экономического развития города, представляли собой богатейшие феодальные усадьбы. В них концентрировались доходы от обширных домениальных владений, овеществляясь в роскошных дворцах и теремах, церквах, предметах роскоши, дра-

гоценных металлах» [Толочко, 1989: 88]. Однако, как и у М.Н.Тихомирова археологическое рассмотрение материалов из «княжеских резиденций» (за исключением привлечения как иллюстрации для своей теории клада ювелирных изделий, найденного в 1842 г. на Старокиевской горе рядом с княжеским дворцом) в работе отсутствует. Привлечены лишь некоторые летописные свидетельства, а практически весь археологический материал остался вне поля зрения исследователя.

Идеи Б.Д.Грекова, которая допускала многообразие путей образования городов, придерживались следующие авторы: Н.Н.Воронин, Б.А.Рыбаков, В.В.Карлов, Д.А.Авдусин [Носов, 1992: 64].

В конце 80-х годов со своей гипотезой о возникновении городов выступил В.В.Седов. В целом его теория включает два основных положения:

1. единого пути образования городов на Руси не было
2. выделяется два периода становления города:
 - VII-VIII вв. Среди земледельческих поселков появились селения с ремесленным и профессиональным укладом, они становятся торговыми центрами, «протогородами»
 - IX в. Раннефеодальными городами становятся те из протогородов, в которых кроме ремесла и торговли имеются административные функции – военные, культовые [Седов, 1989: 6-55].

Своеобразное понимание процесса возникновения городов на Руси было предложено И.Я.Фрояновым и его соавторами. Суть их позиции сводилась к тому, что образование первых городов на Руси связывается не с периодом становления феодализма, а с поздним этапом родового строя. Именно тогда «организация общества становится настолько сложной, что дальнейшая его жизнедеятельность без координирующих центров оказывается невозможной», и поэтому такие центры появляются – т.е., города. Многообразие типов раннесредневековых поселений, по мнению исследователей, «выглядит искусственным, и таковыми были только племенные или межплеменные центры» [Фроянов, Дворниченко, 1988: 28-34]. Оставляя в стороне дискуссионность этой концепции, следует отметить основной недостаток такого подхода, в наиболее четком виде сформулированный С.В.Белецким: «Заранее заданное направление поиска (т.е. моноисточный подход и схематизация – И.П.) может оказаться неверным изначально, вступив в противоречие с реальными фактами» [Белецкий. 1996: 6].

Однако еще в 70-е годы в советской историографии наряду с работами, продолжающими построения С.В.Юшкова, М.Н.Тихомирова и Б.Д.Грекова, появились новые исследования, в которых отстаивались совсем иные взгляды на начальную историю русского города [Носов, 1992: 65]. Авторами этой концепции явились В.А.Булкин и Г.С.Лебедев. Именно они в 1974 г. ввели термин ОТПП – открытое торгово-ремесленное поселение – ставший стержнем нового подхода. Авторы, отмечая важнейшую роль международной торговли, выделили особый тип торгово-ремесленных поселений с рядом особенностей:

- колеблющийся состав населения
- временные формы социальной связи
- отсутствие укреплений на ранних этапах
- большие могильники у поселений с разнообразными вариантами обряда
- ограниченный период бытования – IX – начало XI вв. [Булкин, Лебедев, 1974: 11-17].

В 1978 г. эти же авторы совместно с И.В.Дубовым более четко определили концепцию становления городов на Руси: древнейшей формой предгородских поселений были племенные центры VIII-IX вв., которые в IX-XI вв. обрастали торгово-ремесленными посадками.

Иным типом являлись возникавшие в VIII и IX вв. ОТПП, где сосредотачивалось население, связанное с дальней торговлей, военными походами и ремеслом. Интеграция прото- и ранне-городских поселений завершилась к исходу X - началу XI вв., когда сформировалась единая образная структура города, состоявшая из княжеского детинца и ремесленно-торгового посада [Булкин, Дубов, Лебедев, 1978: 138-140]. При многих недостатках этой работы, отмечавшихся разными исследователями [Куза, Леонтьев, Пушкин, 1982: 277; Мачинский, Шаскольский, 1982: 288-291; Носов, 1992: 67-71; Белецкий, 1996: 9-14], такой подход являлся в целом по многим позициям близким «торговой теории» В.О.Ключевского. Более четко, на мой взгляд, стержень этой гипотезы выделил С.В.Белецкий: исследователь предложил «более точным и более полным отвечающими функциям и значению подобным центров (т.е. ОТПП – И.П.) термин ВТПП – внеплеменное торгово-ремесленное поселение». И далее, определяя его функции: «Оторванность ВТПП от сельского хозяйства, т.е. от непосредственного производства продуктов питания, дифференциация жителей по профессиональной занятости, социальная стратификация общины, имущественное неравенство отдельных ее членов, процесс формирования новых форм социальной общности». И заключая: «Все эти признаки соответствуют социально-экономическому понятию город» [Белецкий, 1996: 20].

В начале 90-х годов Е.Н.Носов предложил различать процессы градообразования на Юге и на Севере Руси [Носов, 1992: 71-76]. На Юге развитие славянского общества было длительным и стабильным. Уже в VI-VII вв. возникают т.н. «племенные города» с административно-политическими функциями. Часть из них трансформируется в города к IX в. В VIII-IX вв. идет широкий процесс образования городов в земледельческих округах с административными, реже ремесленными и торговыми функциями.

На Севере города не были центрами земледельческих районов, а возникали в процессе освоения новых территорий. Изначально они росли на торговых путях как центры международной торговли и ремесла с административными и контрольными функциями, причем наличие плотной сельскохозяйственной округи было не обязательным (например, Старая Ладога) [Носов, 1992: 72].

В VIII в. по Великому Волжскому пути через северную Русь идет серебро. К IX в. начинает действовать «путь из варяг в греки», складывается система торговли пушниной. На этой основе и функционируют «города – ВТПП». В середине VIII в. появляется Старая Ладога, затем и другие ОТПП – Тимерево, Гнездово, Рюриково Городище, Сарское Городище, Шестовицы. Они явно были ориентированы на международную торговлю, сельское хозяйство играло второстепенную роль. На рубеже X-XI вв. происходит т.н. «перенос городов», породивший в историографии проблему т.н. «парных центров» (Рюриково Городище – Новгород, Гнездово – Смоленск, Сарское Городище – Ростов, Тимерево – Ярославль, Шестовицы – Чернигов). Поскольку старые центры имели только торгово-ремесленные функции, а новые уже опираются на местную экономическую основу, являются центрами сельскохозяйственных территорий, то именно там сосредотачивается власть, формируется новая администрация, создаются культовые центры. Аналогичным путем в Скандинавии Бирка сменяется Ситулой, Хедбею – Шлезвигом, Павикен – Висбю, Ширингсаль – Тенибергом. Во всех этих случаях появление новых городов и упадок прежних происходит на рубеже X-XI – первой половины XI вв., «в чем нельзя не видеть проявление общей исторической закономерности, единого ритма социально-политических и экономических перемен, происходивших в обществах, находившихся за границами прямого влияния традиций, восходящих к античности» [Носов, 1992: 75-76].

В рамках нашей темы следует отметить, что появление «новых центров, где располагались христианский комплекс (владычный двор, общегородской храм), торг, княжий двор» относится, по Е.Н.Носову, к рубежу X-XI вв. [Носов, 1992: 75].

Возвращаясь к определению ВТРП С.В.Белецким, необходимо оговорить, что все-таки исследователь считает их не просто «городами», а т.н. «городами старшего типа» [Белецкий, 1996: 20]. Новые же центры, ставшие в конце концов средневековыми городами, исследователь называет «городами младшего типа». Не затрагивая проблему соотношения этих «пар» (что само по себе – сложнейшая проблема), следует сказать, что, видимо, появление княжеских резиденций следует ожидать лишь в «городах младшего типа», связанных с установлением княжеской власти.

Однако необходимо помнить, что и социальная дифференциация, и имущественное расслоение было характерно и для «племенных центров» (типа Зимно или Хотомель), и для ВТРП.

Какой же облик (с интересующих нас позиций) имели центры «догородской» поры?

П.А.Раппопорт, проводивший обследование городищ Севера и Юга Руси, отмечал, касаясь северных памятников: «Наиболее сложен вопрос о социальном облике этих укреплений. В письменных источниках все они названы «городами». До XI в. значительная часть поселений еще была свободна, но часть укрепленных поселений этого времени, а особенно с XI в. имела уже другое содержание – это были феодальные замки или детинцы средневековых городов» [Раппопорт, 1978: 204]. Однако, говоря о городищах XI-XII вв., исследователь определяет их как детинцы городов, а также княжеские и боярские замки [Раппопорт, 1978: 205]. Часть из них являлась уже несомненными городами – Суздаль, Дмитров, Юрьев-Польский, Переяславль-Залесский. Т.о., как мы видим, появление «княжеских резиденций» на Севере, исходя из концепции П.А.Раппопорта, можно ожидать лишь с рубежа X-XI вв.

Но, с другой стороны, необходимо рассмотреть и другое обстоятельство: если на юге т.н. «племенные центры» появляются еще в VII в., то логично предположить, что резиденции «племенных князей» появляются уже тогда. Но есть ли они в археологических материалах? Материалы крупных «протогородов» Юга – Зимно, Пастырское, Битице, Хотомель – говорят об обратном. Социальная дифференциация прослеживается лишь по материальному комплексу [Толочко, 1989: 20-24] да и то не в очень большой степени. Явно же выделяемых «социально дифференцированных» построек нет вообще. Где же объяснение данному факту? На мой взгляд, наиболее обоснованно выглядит мнение М.Б.Свердлова: «Т.к. крупные дома племенной знати не известны, то можно предположить, что «племенные князья, племенная и служивая знать строили дворцы как хозяйственные комплексы, продолжающие местные традиции, и выделить их практически невозможно» [Свердлов, 1983: 65].

Рассматривая городища Юга Руси П.А.Раппопорт отмечает, что важнейшей их функцией была охрана рубежей от кочевников, и следовательно, и укрепления, и топография таких памятников будет отличаться от синхронных поселений Севера. Рассматривая же социальный облик этих памятников исследователь выделил четыре основных типа:

- общинные центры
- «города»
- замки
- крепости [Раппопорт, 1967, 185-189].

Однако необходимо помнить, что типологизируя городища, П.А.Раппопорт учитывал в основном систему укреплений, топографическое положение и вещевой материал. Топография же собственно территории поселения практически всегда оставалась недостаточно изученной. Вместе с тем автором сделано крайне любопытное для нашей темы замечание: «В так называемых «крупных городах» с административными и церковно-политическими функциями, двумя линиями обороны и четко выраженной структурой – детинец /окольный город (Галич, Владимир Волынский, Луцк, Белз, Теремовль, Туров, Новогрудок, Звенигород) дома на посаде часто богаче, чем дома в детинце!» [Раппопорт, 1967: 186].

Более подробные исследования городищ на Юге было проведено в 1970-80-х годах Б.А.Тимощуком. На территории украинского Прикарпатья были проведены массовые исследования городищ и поселений – открыто более 400 славянских поселений и изучена структура 36 гнезд поселений VI-X вв. [Тимошук, 1990:7]. Исследователь выделил четыре типа городищ:

- городища-убежища
- городища – административно-хозяйственные центры
- городища-святилища
- городища – княжеские крепости [Тимошук, 1990: 11-62].

Исходя из целей нашей работы, для нас интерес представляет лишь последний тип – городища – княжеские крепости. Классификация таких памятников (к ним исследователь относит Судовую Вишню, Ревно, Горишние Шеровицы, Коростователь, Теремовль и некоторые другие) проводилась по системе укреплений, внутренней топографии и наличию селищ-спутников (жители которых одевали, кормили и вооружали гарнизон крепости) [Тимошук, 1990: 55-62]. Рассматривая топографию, Б.А.Тимошук отмечает: «Наземные срубные дома с подвалами, свободно располагавшиеся на территории центральной укрепленной площадки княжеских крепостей X-XI вв., несомненно принадлежали наиболее знатным жителям этих крепостей. Вполне допустимо, что это были дома членов княжеской администрации, на которых лежала обязанность также собирать дань и требовать выполнения других повинностей с населения той территории, на которую распространялась власть княжеской крепости. Обширные подвалы вполне были пригодны для хранения натуральных даней» [Тимошук, 1990: 61]. Как мы видим, конструктивно и типологически такие комплексы действительно продолжают местные традиции (например, в Горишнешеровецкой княжеской крепости, Ревно), что еще раз подтверждает мысль М.Б.Свердлова. Однако назвать их «княжескими резиденциями» в полном смысле этого слова еще нельзя, т.к. князь мог останавливаться в таких «крепостях» довольно редко, по мере надобности.

Что же касается непосредственно детинцев древнерусских городов, которые могли начать формироваться именно с таких «городищ-замков», то вот что считает Б.А.Тимошук: «Любой феодальный центр при благоприятных условиях мог стать детинцем древнерусского города. Но городища-детинцы раннего феодализма еще плохо изучены, и пока нет достаточных археологических данных, позволяющих четко отличить памятники этого типа от других типов городищ – феодальных центров, прежде всего от городищ – княжеских крепостей. Т.. состояние источников не позволяет в настоящее время выделить археологические признаки городищ-детинцев» [Тимошук, 1990: 69-70]. Следовательно, на сегодняшний день представляется корректным привлечение в качестве источников лишь немногочисленное количество материала с городищ, который датируется X-XII вв. и относится, по типологии П.А.Раппопорта, к «военным крепостям» (например, Колодятин, Изяславль) или «феодальным замкам» (например, Любеч, Олешков) [Раппопорт, 1967: 187]. Подавляющее же боль-

шинство городищ более раннего периода, относится еще к VII-IX вв. и связывается непосредственно с племенным строем.

Показательно в этом отношении наблюдение С.В.Белецкого: «Прекращение функционирования протогородских племенных центров насильственным путем – это повсеместное явление при окняжении территорий... Необходимость такого акта диктовалась самой процедурой окняжения территорий, включаемых в пределы государственной юрисдикции. С уничтожением старых племенных центров происходила ломка старой административно-политической системы» [Белецкий, 1996: 21]. В качестве примера исследователь приводит городища Роменской культуры, общинные центры Буковины; даже «Ревнянское поселение, на примере которого Б.А.Тимошук прослеживает перерастание “общинного центра” в раннефеодальный город на рубеже IX-X вв. переживает крупное потрясение, когда на месте сожженного убежища была построена княжеская крепость» [Белецкий, 1996: 18-19].

Из всего вышеизложенного для нас наиболее важно следующее: в период окняжения – т.е. времени, когда собственно и следует ожидать появления непосредственно княжеских резиденций – почти все «протогорода» племенного строя гибнут. А в тех случаях, когда мы имеем дело уже непосредственно с городами, где известны археологические материалы, связанные с княжескими дворами (Киев, Чернигов, Переяславль), выделить более ранние слои «дорогодского» периода, да еще и в детинце с возможностью реконструкции топографии и планировки, фактически невозможно.

Касаясь же ОТП (или ВТП), где социальная дифференциация была намного сильнее, чем в «славянских протогородах», следует отметить: ни в тех случаях, когда эти центры постепенно «затухали» (как Гнездово, Тимерево, Шестовицы), ни в тех, когда они впоследствии становились «княжескими» или «боярскими» резиденциями (как Рюриково или Сарское городища), в наиболее активный период их существования – конец VIII – середина X вв. – никаких «социально дифференцируемых» построек нам неизвестно¹. Видимо, это связано со спецификой структуры данного общества: ему необходима была достаточная мобильность в связи с занятием международной торговлей, и создавать какие-либо крупные и богато украшенные постройки жителями ОТП / ВТП было просто не нужно.

Единственный среди всех подобных памятников случай, который можно как-то связать с «социально дифференцируемым» жилищем, зафиксирован в Старой Ладогe. В раскопках 1948-49 гг. В.И.Равдоникаса были открыты остатки большой (площадью ок. 90 кв.м) срубной постройки с дощатым полом на лагах. Вдоль западной стенки шел дощатый настил на столбах, продолжение которого уходит в северный борт раскопа. Г.П.Гроздилов интерпретировал его в порядке рабочей гипотезы как церковь [Гроздилов, 1950: 46]. В 1949 г. к северу от этой постройки были открыты остатки синхронного, связанного с ней сооружения. Это была изба размером 7,1х6,8 м с полом на лагах. С севера и с запада изба была окружена бревенчатым настилом. С севера фиксируются остатки столбов, отстоящие от стены сруба на 2 м. В целом, комплекс имел размеры 128 кв.м. Он соединялся с описанной выше постройкой настилом. Этот комплекс, как отмечает С.Л.Кузьмин, явно выпадает из серии рядовых жилищно-хозяйственных комплексов Ладоги. Датируется он (по хронологии Кузьмина / Мачинской) 970-980-ми годами. Интересно, что на данном участке поселения ему предшествовали два крупных комплекса, основу которых составляли большие дома с печью в центре (890-920 гг.; 920-960 гг. с ремонтом в первой половине 950 г. [Кузьмин, 1988: 81]. Интересно, что «большой дом» 890-920 гг. был даже назван Е.А.Рябининым [доклад в Старой Ладогe 22.

¹ Благодарю за подробные консультации по этим памятникам В.А.Булкина, И.В.Дубова, Е.Н.Носова, С.В.Томсинского, А.Е.Леонтьева.

12. 1995] «дворцом Рюрика»). Неординарные размеры и конструктивное решение, а также ряд находок свидетельствуют о принадлежности данного комплекса, по мнению С.Л.Кузьмина, представителям социальной верхушки населения Ладоги X в. [Кузьмин, 1988: 81]

Т.о. представленный комплекс является, по сути, единственным примером раннего этапа развития хоромного зодчества, идущего по пути соединения разнообразных построек в единое, конструктивно связанное сооружение (система изба – сени – клеть), получившего дальнейшее продолжение в усадьбах Новгорода [Засурцев, 1967: 105-115]. Однако, кроме этого примера, связанного, видимо, с особым положением Ладоги в структуре древней Руси, других примеров «социально дифференцируемых» жилищ в ОТПП / ВТПР нет.

Остаются лишь непосредственно древнерусские города X-XII вв., в детинцах (или в ближайшей округе) которых и находились «княжеские резиденции». Как же развивалось изучение этих памятников, занимающих важнейшее место в структуре древнерусского города?

Необходимо отметить, что изучение их проводилось очень неравномерно. Если такие памятники, как Киев или Боголюбovo изучались еще с начала XIX века, им посвящались обширные работы (например, работы по Киеву М.Ф.Берлинского, М.А.Максимовича – 1820, 1877 гг., по Боголюбovo – В.Доброхотов, К.Н.Тихонравов – 1860-е гг.), то другие памятники, открытые в 50-60-е гг. XX века, рассматривались лишь в отдельных статьях. Отмечу, что работы, посвященной древнерусской гражданской архитектуре, не существует и до сего дня.

Начать обзор историографии следует все-таки с Киева. Именно в этом городе находятся наиболее крупные и ранние дворцовые постройки. Спор о том, где находится «терем княгини Ольги» и «теремной двор», упоминавшийся в летописи (см. главу 2), шел еще с 1820 г. М.Ф.Берлинский писал: «Ежели самую середину древнего можно принять за место княжеского дворца, то оный отделяется рынком от Десятинной церкви в правую ее сторону, где перед дворцом возвышался Перунов кумир, а после церковь св. Василия. На сем пространстве в земле множество везде кирпичного щебня, а церкви никакой по летописи не определяется. И по самой пристойности следовало быть княжеским палатам в смежности с образцовой или государственною Десятинною церковью» [Берлинский, 1820: 141]. Исследователь полагал, что «ежели передняя сторона Десятинной церкви со входу, разумеется, юго-западная, то за святою Богородицею (десятинною) должно быть место терема вышесказанное к северо-востоку, а двор теремной простирается по краю утеса до церкви Трехсвятительской» [Берлинский, 1820: 139-140].

Как мы видим, уже в это время отмечалась возможность многоструктурности дворца, состоявшего из нескольких частей. В апреле 1857 г. киевский чиновник Климович, приобретя расположенный в 75 м к востоку от Десятинной церкви дом, приступил к его перестройке. В ходе этих работ были обнаружены остатки кладки из кирпича, напоминавшего по своим размерам кирпич Десятинной церкви. Сообщение об этой находке было опубликовано в 1857 г. Н.Сементовским, который однако главное внимание уделил найденному при этих работах кладу из 6 серебряных монетных гривен киевского типа и нескольких ювелирных изделий, спрятанных в глиняном горшке [Сементовский, 1857: 34-36]. Более подробна кладка была описана в 1858 г. С.П.Крыжановским на заседании Отделения русской и славянской археологии [Крыжановский, 1858: 306-307]. Тем не менее какого-либо серьезного археологического исследования и архитектурного обмера проведено не было.

В это же время продолжается спор о «тереме» и «теремном дворе». В 1877 г. о нем писал М.Максимович.[Максимович, 1877: 97], в 1897 г. – сначала А.Армашевский и В.Б.Антонович [Армашевский, Антонович, 1897: 56], чуть позже Н.И.Петров [Петров, 1897: 107-108]. Эти исследователи полностью опирались на летописные данные, а археологические раскопки не подтвердили изложенных ими историко-топографических гипотез.

В 1907-1908 гг. обширные работы в Киеве были проведены В.В.Хвойко. В усадьбе Петровского он провел крупномасштабные работы, обнаружившие фундамент и часть стены дворцовой постройки. В западной части этой усадьбы было обнаружено еще одно здание, также дворцового типа. К сожалению, на раскопках архитектурных памятников сказался дилетантизм методики В.В.Хвойки: не было проведено обмеров, не проанализирована стратиграфия и пр. Все это не дает возможности использовать в полной мере материалы В.В.Хвойко.

Следующие работы в Киеве относятся к 1911 г. В ходе работ Д.В.Милеева в усадьбе Десятинной церкви к юго-западу от здания самой церкви были обнаружены фундаменты западной стены дворцового здания и поперечных его стен. В 1911 г. здание было раскопано не полностью; юго-восточная часть, расположенная на Владимирской улице, была исследована уже в 1914 г. С.П.Вельминым. В 1909-1910 гг. В.В.Хвойко проводил исследования в г. Белграде. Были обнаружены остатки богатого деревянного здания, по размерам и функциям, видимо, близкого киевским дворцам. К сожалению, материалы этих работ, изданные в 1911 г. Н.Д.Полонским, дают весьма приблизительную характеристику этому зданию [Полонский, 1911: 62-64].

В сентябре 1914 г Д.В.Милеевым были обнаружены остатки здания в Десятинном переулке. Раскопки, проведенные С.П.Вельминым, позволили выяснить в основных чертах план постройки и характерные особенности устройства фундамента. В 1913-14 гг. экспедицией под руководством этого же архитектора были открыты остатки еще одного здания дворцового типа на Иринской улице. От этой постройки, как и от храма св. Ирины, сохранились лишь рвы от фундаментов с остатками деревянных лежней на дне их.

Начавшаяся Первая Мировая война, а затем революция и связанные с этим события надолго оторвали исследователей от изучения Киевских дворцов. Лишь в 1936 г. Киевская экспедиция Института археологии подвергла раскопкам здание к северо-востоку от Десятинной церкви, открытое В.В.Хвойко. В 1939 г. эти исследования были продолжены экспедицией под руководством М.К.Каргера. Но, как отмечает исследователь, «от руин дворца сохранились к этому времени лишь жалкие остатки» [Каргер, 1961: 66]. В 1958-61 гг. вышла двухтомная работа М.К.Каргера «Древний Киев», где он публикует материалы о дворцах Киева, а также анализирует летописные данные о них [Каргер, 1958: 263-284; 1961: 59-87]. Эта работа остается крупнейшим вкладом в изучение дворцовых построек древней Руси и до сего дня. Позднее в 1956 г. выходит работа Ю.С.Асеева, посвященная древнему Киеву, но принципиально новых материалов о дворцовых постройках этого города в ней практически нет.

В 1961 г. В.А. Богусевич производит раскопки во дворе киевского митрополита, где открывает еще одну постройку. Ее тип довольно сложно определить, но, видимо, это здание является баней [Раппопорт, 1982: 18].

В 1966 г. Киевской экспедицией были продолжены дворца к северо-востоку от Десятинной церкви. Но к этому времени от него осталась лишь часть стены длиной около 5 метров и шириной 1,7-2,2 метра [Толочко, Кирилович, 1967: 175].

В 1971-72 гг. в детинце Киева В.Г.Гончаровским были открыты остатки еще одного дворца. Это, видимо, то самое сооружение, которое открыл впервые в 1907-1911 гг. В.В.Хвойко. В литературе закрепилось отождествление этого здания с «теремом княгини Ольги», введенное в основном киевскими исследователями [например, Толочко, 1960: 93]. О неправомочности такого отождествления писал М.К.Каргер [Каргер, 1961: 77], его мысль поддержал позднее и П.А.Раппопорт [Раппопорт, 1982: 16]. В 1970-72 гг. на мысе Чайка у Выдубицкого монастыря киевской экспедицией открыты остатки еще одного каменного дворца, которые исследователи соотнесли с дворцом Всеволода Ярославича [Мовчан, 1975: 80-84].

Необходимо упомянуть еще об одном здании, открытом в Киеве в 1975 -76 гг. Я имею ввиду Киевскую ротонду. Дело в том, что киевские исследователи (П.П.Толочко, Я.Е.Боровский) отождествляли ее с зданием дворцового типа. Такое отождествление абсолютно неверно. Ротонды являются особым типом зданий, не характерным для древнерусского зодчества. Киевская ротонда является «каменным свидетельством» деятельности католических миссионеров на Руси, она выстроена западным архитектором и киевскими мастерами [Иоаннисян, 1994: 110-111].

В 1976 г. выходит работа, посвященная Древнему Киеву, П.П.Толочко. В ней опубликованы результаты работ Киевской экспедиции [Толочко, 1976: 5-105]. Некоторое место в ней уделено и дворцам. В 1981 г. целой группой авторов (П.П.Толочко, Я.Е.Боровский, С.Р.Кирилович и др.) публикуется сборник «Новое в археологии Киева», где также отдельная глава посвящена светским постройкам. В 1982 г. С.Р.Кирилович публикует материалы о детинце Киева IX-XIII вв. [Кирилович, 1982: 2-145].

Т.о. дворцы Киева довольно часто упоминаются в литературе. Чаще всего их связывают с «гридницами» Летописи (см. главу 2).

Следующий памятник, изучение которого длится довольно долго – Боголюбово. Этот уникальный памятник впервые был обследован в 1850 г. в Доброхотовым. Уже он отмечал, что «нынешняя монастырская ограда построена на месте древней, которой основание из камней белого, дикого и булыжного видно и доныне с западной и южной стороны ея» [Доброхотов, 1850: 36]. В это же время другой владимирский историк – К.Н.Тихонравов – поддержал его мысль. Т.о. уже тогда было отмечено, что нынешнее Боголюбово стоит на месте более древних сооружений. В 1862 г. И.Е.Забелин публикует свою работу «Домашний быт русских царей XVI-XVII столетий», в которой пишет, что князь Андрей основал не город, но монастырь, обнеся все место каменными стенами, так что новое селение сделалось городом» [Забелин, 1990: 38]. Следует отметить, что эта работа положила начало целой школе, приверженцы которой считали, что «жилища царей и бояр отличались от изб крестьян и посадских людей только лишь сравнительно большими размерами да лучшей отделкой», и что «княжеские хоромы по композиции основных помещений являлись повторением крестьянской избы-шестистенки, а княжеский дворец представлял собой единое здание, состоявшее из покоевых помещений, расположенных по двум сторонам сеней, занимавших середину этого здания» [Воронин, 1951: 219-220].

В 1902-1903 гг. А.А.Потапов издает «Очерк древней русской гражданской архитектуры» [Потапов, 1902]. В части, посвященной древнейшим постройкам дворцового типа он рассматривает и Боголюбово, опираясь, правда, почти лишь на летописные сведения. Однако, уже тогда А.А.Потапов справедливо отмечал сложность Боголюбовского комплекса. Он писал: «Русское дворцовое здание состоит из трех основных частей:

- красная (парадная) лестница
- сени, над которыми мог возвышаться терем
- переход, служивший для входа в церковь или дворец»

[Потапов, 1901: 20]. Помимо этого, исследователь отмечал: « ... я полагаю, что первые великокняжеские палаты являлись подражанием (конечно, в общих чертах и малых размерах) византийским дворцам» [Потапов, 1901: 19]. Не исключено, что эта мысль А.А.Потапова во многом справедлива, учитывая громадное византийское влияние на монументальную архитектуру Руси X-XI вв. На сегодняшний день работа А.А.Потапова является фактически единственной попыткой рассмотреть древнерусскую гражданскую архитектуру с X до XVII вв. Он предложил и реконструкцию Боголюбово [рис. 64].

В 1925 г. обмеры «палат Боголюбского» проводит Г.Ф.Корзухина. Ею были обнаружены остатки каменной кладки на южном склоне замкового плато против южной стены собора.

С 1934 по 1938 гг. в Боголюбово работал Н.Н.Воронин. Фактически лишь его работы позволили реконструировать Боголюбовский комплекс достаточно подробно. Проведенные работы раскрыли остатки северного дворцового перехода, ориентированного параллельно стене самого замка, часть южной башни и киворий. На основе этих данных была предложена реконструкция данной Боголюбовского комплекса [рис. 63]. К сожалению, на месте самого дворца стал существующий казарменный корпус келий, и поэтому возможности для исследования самого дворца фактически нет. Помимо самого дворца, к ансамблю «примыкали с востока и с запада хозяйственные и бытовые постройки; погреба оружейные склады, конюшни и пр., а также, может быть, стояли усадьбы ближайших придворных» [Воронин, 1961: 260]. Т.о. дворцовый ансамбль функционировал как целый комплекс разнообразнейших построек. В 1961 г. Н.Н.Воронин издает двухтомную работу «Зодчество Северо-Восточной Руси XII-XV вв.», в которой и публикует результаты своих исследований. С этого времени никаких новых работ в Боголюбово не проводилось, хотя возможности получения новых данных существуют.

Как говорилось выше, наибольшее внимание уделялось именно Киеву и Боголюбово. Однако изучались и другие пункты с «дворцовыми комплексами»

В г. Холм работы проводились в 1910-12 гг. П.П.Покрышкиным. Самим этим архитектором результаты работ фактически не были обработаны, а опубликовал и рассмотрел их в 1954 г. П.А.Раппопорт Т.к. в настоящее время этот город находится на территории Польши, то раскопки в 1966-68 гг. были проведены польскими исследователями Я.Гурба и И.Кутиловской [Gurba, Kutilovska, 1970: 70-84]. Ими был раскрыт «классический» замок, датирующийся XIII в., и состоящий из башен, стен и нескольких жилых помещений. Это сооружение расположено на более древнем городище, и функционально полностью отвечает своему положению приграничного города. Функционально достаточно близок к замку в Холме и Луцкий замок [Говдиенко, Кучинко, 1979: 320], однако за отсутствием более подробных данных по Луцку сравнить их довольно сложно. Что касается Холма, то еще П.А.Раппопорт писал, что нет никаких сомнений, что раскопанные сооружения относятся ко времени Даниила Галицкого [Раппопорт, 1954: 322]. По технике кладки стена Холма наиболее близка Белавинской и Столпьевской башням, что говорит о достаточной близости строительной традиции, и даже, возможно, работе одной артели.

Достаточно близко к «замковому» типу и сооружения, исследованные в г. Гродно в 1932 г. И.Иодоковским. В 1954 г. материал по древнему Гродно был издан Н.Н.Ворониным

по исследованиям, проведенным в 1945-1949 гг. Помимо этого, исследователь высказывал сомнения в интерпретации гродненского сооружения как «терема» и называл его «южной башней» [Воронин, 1954: 129]. В последнее время интерпретация Гродненского замка как терема выглядит более убедительно, в пользу этого говорит и его планировка, и топографическое положение, и довольно широкий материальный комплекс. В 1981 г. небольшие раскопки в Гродно провел П.А.Раппопорт. Исследователь писал, что «... гродненский терем является самым крупным и наиболее богато оформленным из всех ныне известных [Раппопорт, 1988: 66]. Т.о. интерпретация Гродненского замка как терема подтверждается. И действительно, эта точка зрения наиболее убедительна.

В 1947-48 гг. в Новгороде экспедицией А.В.Арциховского на Дворище была обнаружена целая система срубов, интерпретированная исследователем как «остатки дворца Ярослава Мудрого» [Арциховский, 1956: 12]. Однако в более поздних работах исследователь не возвращался к такой интерпретации. В настоящее время это отождествление подвергается сомнению [Андреев, 1984: 121]. Более вероятно, по мнению В.Ф.Андреева, локализация княжеского двора к востоку и югу от Никольской церкви.

В 1948-49 гг. экспедицией Б.А.Рыбакова были проведены работы в г. Вщиж, которые открыли остатки большого, возможно, двухэтажного дома с богатейшим убранством (см. Каталог № 1), и являвшимся, скорее всего, частью княжеского двора [Рыбаков, 1953: 118]. Несмотря на то, что здание было деревянным, его вполне можно назвать «теремом», чисто функционально, видимо, мало чем отличались от монументальных теремов в Смоленске, Полоцке и Гродно.

В 1950-51 гг. В.А.Богусевич и Н.В.Холостенко проводят исследования в Чернигове. Исследователями были обнаружены 2 постройки: одна между Борисоглебским и Спасским соборами; другая – под полом самого Борисоглебского собора. Обе постройки были интерпретированы как терема. По этим материалам в 1952 и 196 гг. были изданы 2 статьи: одна Н.Н.Холостенко, другая – им же в соавторство с В.А.Богусевич [Богусевич, Холостенко, 1952; Холостенко, 1963]. Позднее ряд исследователей высказывали сомнения относительно интерпретации постройки под Борисоглебским собором – они считали, что следует соотносить ее с какой-то более ранней церковью [напр., Коваленко, Раппопорт, 1991: 153-154]. На сегодняшний день этот вопрос нельзя считать решенным. Исследования в Чернигове, проведенные на месте княжеского двора, помогут осветить этот вопрос.

В 1958-60 гг. в польском городе Пшемысле А.Жаки был открыт интереснейший дворцовый комплекс с дворцовым храмом-ротондой. А.А.Ратич в 1967 г. включил его в число галицких ротонд. Однако дворцовую ротонду, а также дворец в Перемышле следует датировать более ранним временем – X в., и рассматривать как памятник, возведенный еще до того, как Перемышль стал древнерусским городом [Иоаннисян, 1994: 105]. Т.о. этот памятник лежит вне русла развития собственно древнерусской архитектуры. Для древней Руси были характерны дворцовые комплексы иного типа – соединенные переходами с церквями, а не храмы пристроенные прямо к зданию дворца. Тип «дворцов с ротондами» характерен именно для Польши (Геч Острув-Ледницки, Висилица, Краков) [Kotodziegski, 1989; 243-245].

В 1957-1964 гг. экспедицией под руководством М.К.Каргера было исследовано городище у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области. Изначально оно было отождествлено исследователем с древнерусским городом Изяславлем, но позже было оно признано необоснованным. Этот уникальный памятник – «военная крепость» (по типологии П.А.Раппопорта), к сожалению, был исследован по методике «перекидной траншеи» в связи

с чем на всей территории площадки городища (3,5 га) не зафиксировано ни одной постройки! Однако факт того, что на нем явно существовали интереснейшие жилища (и, возможно, «дворец») и церковь, не подлежит сомнению. После написания работы А.А.Песковой становится возможным привлечение некоторых материалов для реконструкции богатых жилищ XI-XII вв. [Пескова, 1988: 2-17].

Примерно в это же время, в 1957-1960 гг., экспедицией Б.А.Рыбакова был исследован «феодалный замок Мономаха и Ольговичей – Любеч». Главным сооружением замка, по реконструкции Б.А.Рыбакова, был дворцовый комплекс длиной порядка 40 м, шириной 9-13 м; состоявший из нескольких частей, с богатым убранством, двухэтажный, с несколькими воротами (подробнее см. Каталог № 1) – он стал «классическим» примером «феодалного замка» [Рыбаков, 1964: 22-23], приводившимся затем во многих монографиях [Рыбаков, 1993: 420-430]. Конечно, во многом реконструкция замка гипотетична [рис.], но чисто методологически эти работы стоят гораздо выше работ М.К.Каргера в Изяславле.

А в 1960-61 гг. Ф.Д.Гуревич были изучены интереснейшие «богатые жилища» в г. Новогрудок Гродненской области. Они дают нам богатейший материал для реконструкций «повалуш» и «хором» XI-XII вв. [Гуревич, 1964: 98-100].

В 1962-63 гг. Р.А.Юра производит раскопки в Переяславле – Хмельницком. До этого, в 1956 г. М.К.Каргером были начаты исследования близ Михайловской церкви, которые вскрыли остатки постройки, но полной расчистке этого здания мешал находившийся над ним бастион XVIII в. В 1958 г. бастион был срыт, и в 1960 г. работы продолжены. Было обнаружено здание, отождествленное с Епископскими воротами. В 1962-63 гг. в связи с этим начались работы на территории предположительно Епископского двора. В результате данных работ было открыто двухкамерное здание, обладавшее, видимо, роскошным интерьером (подробнее см. главу 2). В 1967 г. Р.А.Юра в соавторстве с Ю.С.Асеевым и М.И.Сикорским публикует результаты этих работ [Асеев, Сикорский, Юра, 1967: 199-214]. В данной работе, помимо самой публикации материала, было сделано еще одно крайне важное замечание: «Дворцовые постройки, -- пишут исследователи, -- не могут и не имеют тех установившихся типологических черт, которыми характеризуются церковные постройки. У последних функциональная сторона крайне единообразна, и тип зачастую выработан «каноном»... В дворцовом комплексе типологическая схема играет роль, значительно меньшую, т.к. условия жизни, характер окружающей застройки, место расположения здания и много других факторов влияют на конфигурацию плана, количество помещений, их соотношение, этажность здания и т.д.» [Асеев, Сикорский, Юра, 1967: 212]. Фактически это наблюдение означает, что каждый дворцовый комплекс следует рассматривать в контексте ансамбля, в котором он находится, учитывая при этом и политическую обстановку в княжестве, и все детали в самом здании, и материальный комплекс, т.е. все, что может дать какие-либо основы для выводов. Подобные работы требуют большой аккуратности и совершенства архитектурно-археологической методики.

В 1964-65 гг. экспедицией в Смоленске под руководством Н.Н.Воронина, П.А.Раппопорта и Н.Б.Черных был открыт терем – однокамерная постройка дворцового типа. По плану он наиболее близок Черниговской постройке [Воронин, Раппопорт, 1979, 103-108]. Терем расположен в детинце города, рядом с Успенским собором и бесстолпным храмом. В 1980 г. Л.В.Алексеев в своей работе «Смоленская земля в IX-XIII вв.» предложил несколько иную интерпретацию этого терема, связывая его не с князем Ростиславом, как Н.Н.Воронин и П.А.Раппопорт, а с епископом, подтверждая это цепочкой событий 1145-1150 гг. (подробнее см. главу 3). В этой же работе исследователь предполагает наличие еще одно-

го дворца – у ц. Петра и Павла [Алексеев, 1980: 238-239]. На этот вопрос, как и на многие другие, ответ могут дать только новые архитектурно-археологические исследования в Смоленске.

В 1971-72 гг. А.А.Ратич проводит исследования в Звенигороде. Им были обнаружены остатки церкви и еще одного сооружения, интерпретированного как «княжеский дворец». В 1974 г. исследователь публикует небольшую статью со своими материалами [Ратич, 1974: 188-191]. Достаточно взглянуть на чертежи, чтобы понять, что такая интерпретация более, чем спорна [рис. 70]. Довольно спорно и утверждение автора о том, что «в Галицкой Руси княжеские дворцы имелись во всех столицах удельных княжеств: в Перемышле, Звенигороде, Теребовле, Галиче и Львове». Конкретных археологических данных, позволяющих принять это утверждение [Ратич, 1974: 188], сейчас нет, а с помощью Летописи можно признать лишь наличие дворца в Галиче (см. главу 2). Княжеский дворец—чрезвычайно «социально ранжированная» постройка, а монументальный – тем более, и допустить, что во всех удельных княжествах князья могли позволить себе довольно дорогие постройки, предназначенные для особо торжественных приемов – довольно сложно. В любом случае, для таких утверждений необходимы более весомые данные, чем те, которыми оперирует А.А.Ратич. Еще более гипотетична (если не сказать – фантастична) реконструкция комплекса в Звенигороде, предложенная в 1982 г. В.С.Шеломенцев-Терским в своей статье «Из истории древнерусского города Звенигорода» [Шелом'яниців-Терський, 1982: 25] (рис. 71).

В 1966 г. экспедицией М.К.Каргера в Полоцке были обнаружены остатки здания, интерпретированные им как дворец. Но настоящий дворец был открыт позднее, а первая постройка была соотнесена с храмом, расположенным на княжеском дворе [Каргер 1968: 203]. Позднее в 1976-77 гг. в Полоцке было раскопано дворцовое двухкамерное здание с деревянной пристройкой экспедицией под руководством П.А.Раппопорта и Е.В.Шолоховой. В 1981 г. результаты этих работ были опубликованы [Раппопорт, Шолохова, 1981: 91-99]. Состав и примерное расположение монументальных сооружений, существовавших в Смоленске и Полоцке, совпадают: они расположены в детинце, в центральной части – большой собор, неподалеку – княжеская церковь (подробнее о топографии см. главу 3).

Говоря об историографии изучения дворцовых построек, необходимо упомянуть еще о нескольких работах. Во-первых, это работа П.А.Раппопорта 1952 г. о т.н. Волынских башнях. Хронологически они все относятся ко второй половине XIII в. Разумеется, впрямую называть их дворцами нельзя, но совмещение жилых и оборонительных функций выделяет их на фоне других оборонительных сооружений. Любопытно и упоминание Л.Паевского о том, что рядом с башней в Каменце в 1742 г. находился дворец Владимира Васильковича [Раппопорт, 1952: 221]. Помня о том, что строительная техника Волынских башен близка комплексу в Холме, то вполне логично допустить, что мастера, воздвигнувшие эти постройки, имели опыт композиции жилых и оборонительных сооружений, и постройка такого ансамбля вполне вероятна. Разумеется, многое зависело от заказчика, но в принципе деятельность такой артели, специализирующейся на постройках оборонительно-жилых зданий и комплексов зданий, вполне можно допустить, учитывая специфическое, пограничное расположение этих земель. Для ответа на этот вопрос необходимы дальнейшие археологические исследования, что отмечал еще П.А.Раппопорт [Раппопорт, 1952: 221].

Другая работа, которую необходимо упомянуть, это монография Ю.П.Спегальского 1972 г. «Жилище северо-западной Руси IX-XIII вв.». В этом исследовании большая глава посвящена анализу археологических и летописных данных о боярском и княжеском жилище [Спегальский, 1972: 231-273]. Довольно глубокий анализ материала делает эту работу акту-

ально и до сего дня. Конечно, отдельные вопросы, рассматриваемые автором, дискуссионны, но это не умаляет ее общей ценности.

И конечно, большой вклад в изучение архитектуры внесли 2 «Свода археологических источников», изданные П.А.Раппопортом:

- в 1975 г. – «Древнерусское жилище» [САИ, вып. Е1-32]
- в 1982 г. – «Русская архитектура X-XIII вв. [САИ, вып. Е1-47]

В обеих работах отдельные разделы посвящены дворцам. На сегодняшний день только эти каталоги дают хоть какое-то представление о характере дворцовых комплексов Древней Руси. В 1985 г. выходит в свет том «Археологии СССР» : «Древняя Русь. Город. Замок. Село.» Разделы, посвященные городу, замку и жилищу, написаны А.В.Кузой, Б.А.Рыбаковым, П.А.Раппопортом, Б.А.Колчиным, Г.В.Борисевичем [Археология СССР, 1985: 51-154]. Даны многочисленные реконструкции, опубликованы некоторые материалы, показаны особенности «замков» и «дворцов». Но собственно «дворцовые комплексы» (Киева, Чернигова, Полоцка, Гродно и др.) в данной работе фактически не рассмотрены.

Из открытий последних лет следует отметить:

- в 1991 г. В.Д.Белецкий публикует монографию «Древний Псков», где на плане Довмонтава города нанесены две гражданские двухкамерные постройки, датирующиеся по мнению исследователя, XII-XIII вв. и сопоставляемые им с частью резиденций князя Довмонта [Белецкий, 1991: 22]
- в 1984 г. В.Ф.Андреев вновь поднимет вопрос о княжеском дворе в Новгороде и вопрос локализации дворца Ярослава Мудрого [Андреев, 1984: 114-132].
- в 1992-94 гг. экспедицией О.М.Иоаннисяна в Ростове Великом открыты остатки здания, сопоставляемого с дворцом Константина Всеволодовича [Иоаннисян, Зыков, Леонтьев, Торшин, 1994: 189].

Однако, чтобы подробно рассмотреть вопрос о «княжеских резиденциях», необходимо обратиться к летописи. Именно она дает нам во многом возможность для локализации, реконструкции, и типологии «дворцовых комплексов». Рассмотрению летописных известий и сопоставлению их с археологическими материалами будет посвящена вторая глава.

Часть 2. ЛЕТОПИСНЫЕ ИЗВЕСТИЯ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РЕАЛИИ

Летопись – важнейший источник для изучения древнерусской истории. В нашей теме это крайне важно: малочисленность археологических материалов заставляет с большим вниманием относиться ко всем летописным известиям, связанным с постройками «княжьего двора». С какими же терминами мы сталкиваемся? Это – «терем» («теремной двор»), «гридница», «сени», «хоромы», «полати», а также «ложница», «покоище», «плотница», «повалуша», «клеть», «поруб», «медуша», «медьница», «бретяница», «бражница», «столп», «вежа», «скотница», «житница», «истобка». Уже из самого перечня видно, что княжеская резиденция была сложнейшим комплексом из разных построек.

Начать рассмотрение стоит с **терема**.

Он впервые упомянут летописью под 945 г., в рассказе о мести княгини Ольги древлянам: «Над горою был теремной двор – был там каменный терем» [Лавр. лет.: 945 г.] . Особо следует отметить, что этот «терем» – единственное каменное здание, упоминаемое лето-

писью в языческой Руси. Откуда появились на Руси традиции каменного строительства до принятия христианства сказать пока невозможно.

В этом же тереме сидит княгиня Ольга в ожидании древлянских послов, которых несут в ладье, чтобы сбросить в яму, выкопанную «на дворе теремном вне града». Видимо, именно этот терем изображен на миниатюре Кенигсбергской (Радзивилловской) летописи. В том же тереме (по мнению М.К.Каргера) князь Владимир принимал Ярополка, которого тут же в дверях два варяга «подъяста мечьми под пазусе» [Лавр. лет.: 980 г.].

Что же представлял из себя этот «терем»? Сначала стоит остановиться на этимологии этого слова. М.К.Каргер в своей монографии, посвященной древнему Киеву [Каргер, 1961], выделяет две основные точки зрения:

- «терем» – византийского происхождения (точка зрения Ф.Миклошича, Л.Нидерле) – от греческого *τερεινον*;
- «*терем*» – общеславянского происхождения (точка зрения Г.Ильинского): общеславянская основа этого слова – болгарское *трѣмъ*, сербское *тријем*, польское *trzem*, словенское *trem*, восходящие в своей основе к индоевропейскому корню *tereb* – «дом» [Ильинский, 1909: 370-373].

Несколько особняком стоит мнение К.А.Иностранцева, который сближает славянский *терем* с распространенным на мусульманском Востоке *таримом* (легкая каркасная постройка типа балдахина), связующим звеном между которыми исследователь считает византийский *τερεινον* [Иностранцев, 1913: 37-38].

Если обратиться к миниатюре Кенигсбергской летописи, то можно сказать, что Ольга изображена сидящей в верхней части высокой башни с шатровым верхом. И.Д.Мансветов, изучая миниатюры тверской рукописи Георгия Амартола, пришел к выводу, что словом «терем» называлось помещение в верхнем этаже дома, устроенное в виде столпа или башни с шатровым верхом [Каргер, 1961: 79]. Однако, привлекая летописные миниатюры, следует отметить их особенность как исторического источника, показанную О.И.Подобедовой: миниатюры, иллюстрирующие ранние летописные тексты в соответствии с лаконичной погодной записью, воспроизводят ее содержание в наиболее краткой форме, прибегая к приему передачи общего через частное или целого через часть [Подобедова, 1961: 8]. Исследовательница даже выделяет особую группу изображений, касающихся именно архитектуры. «Мастер-миниатюрист стремится ввести конкретное историческое событие в определенное пространство, вводя действие в овал или многоугольник крепостных стен. Художник применяет ряд приемов, характерных для таких изображений: помещает на фасаде здания те предметы, которые должны находиться внутри; охватывает всех участников событий грандиозной палатой, дверные и оконные проемы которой превращаются в арки, описанные над и вокруг человеческих фигур; иногда позади толпы показывает заднюю стенку помещения или выносит вперед столпы, поддерживающие перекрытия» [Подобедова, 1961: 22]. Эти изображения архитектуры делятся на три группы:

- реально наблюдаемые формы архитектурных сооружений
- архитектурные формы, близкие эллинистической или византийской миниатюре
- изображения, впитывающие в себя помимо эллинистических и византийских, источники собственно русские – древнейшие лицевые жития и своды летописей [Подобедова, 1961: 23].

Изучая миниатюры хроники Георгия Амартола и Радзивилловской летописи, О.И.Подобедова отметила, что довольно часто эти три группы взаимно сочетаются и разде-

лить их крайне сложно. Как мы видим, миниатюры – очень специфический источник и делать на их основе собственно архитектурные реконструкции – крайне сложно. Исходя из этого, изображения летописей и хроник будут использоваться в качестве дополнительного материала при работе с более конкретными археологическими или летописными источниками.

Возвращаясь к реконструкции облика «терема», следует отметить, что исходя из контекста летописных сообщений, терем является доминирующей постройкой княжеского двора, т.к. сам двор называется «теремным». Ю.П.Спегальский считал, что терем представлял собой отдельное самостоятельное здание, связанное с другими хороминами князя переходами, причем он был единственной каменной постройкой на княжеском дворе [Спегальский, 1972: 249].

Мнения о том, что терем был отдельным зданием придерживался и Н.В.Холостенко [Холостенко, 1963: 15-16].

Необходимо помнить, что златоверхие терема – обычное место действия былин киевского цикла. Однако, как отмечал С.К.Шалибинаго, использовать былинные описания для реконструкции архитектурного облика теремов практически невозможно, т.к. они отражают более поздний, московский этап строительства [Шалибинаго, 1900: 129-149]. По самому характеру фольклорного произведения, передаваемому из уст в уста, былины представляют собой сложный источник, в создании которого кроме автора первоначального текста, принимали участие и все последующие исполнители, жившие в разные эпохи, на разных территориях. Каждый из них по-своему воспринимал как содержание былины в целом, так и художественные подробности, снабжая ее новыми, более близким его времени деталями. Не только основной сюжет, но и многие детали первоначального текста сохранялись при этом с глубиной древности, но приукрашивались деталями, иногда совершенно чуждыми древнему тексту [Рабинович, 1978: 76-80]. И хотя Б.А.Рыбаков считает возможным выделять «древнейший» пласт в былинах, и даже делает на их основе разнообразные реконструкции [Рыбаков, 1963: 4-180], источниковедческая база такого исследования довольно слабая, а сами реконструкции – крайне спорные². Исходя из этого, имеет смысл привлекать былины, как и миниатюры, в качестве дополнительного, а не самостоятельного источника. В качестве примера путаницы и смешения терминов в былинах можно привести былину о боярине Ставре, где одно и то же помещение названо «гридней», «палатой белокаменной», «хоромами и «дворцом» [Липец, 1969: 167]. Однако факт «покрытия златом» теремов во всех былинах говорит о том, что терем являлся доминантой княжеской резиденции, возвышавшейся над остальными постройками. Исходя из того, что терем был каменным, многие исследователи (Ю.П.Спегальский, Н.В.Холостенко, П.А.Раппопорт и др.) считали, что он служил не для жилья, а только как нарядное помещение. И действительно, обеспечить в условиях древней Руси те же удобства в каменных помещениях, что и в деревянных, было практически невозможно [Раппопорт, 1975: 115-116]. В подтверждение монументальности терема говорит и сообщение «Слова о князьях» – произведения неизвестного автора XII-XIII вв., где говорится о смерти черниговского князя Давида Святославича (ум. в 1123 г.): «... единого расседся верх теремця, и вси ужосошася, и взлете голубь бел, и седе ему на грудех: и князь душу испустил». Именно выражение «расседся верх теремця» указывает, по мнению В.А.Богусевича и Н.В.Холостенко, на то, что терем был построен из камня [Богусевич, Холостенко, 1952: 33].

О высоте терема и его доминирующем значении в ансамбле княжеской резиденции говорится в хронике Георгия Амартола, относящейся к XIII в.: «Обрете дом, яко терем вы-

² Благодарю за консультацию к. фил. наук А.А.Панченко

сок» [Срезневский, 1912: 952]. Подтверждают башнеобразность терема и многочисленные изображения Радзивилловской летописи, хроники Георгия Амартола и некоторых других источников. Это вполне согласуется с выводами, что терем был «златоверхий» – украшать позолотой навершие крыши имело смысл лишь у высокой постройки, видной издали [Спегальский, 1982: 251]. Важнейшим доказательством этого служит найденная при раскопках в Новгороде модель из дерева, датирующаяся второй половиной XI в. (рис. 23) [Колчин, 1971: 29]. На основании пазов между первыми и вторыми ярусами Ю.П.Спегальский предлагает реконструкцию, правда, довольно гипотетичную, где терем соединен переходами с другими частями ансамбля.

Завершение терема, скорее всего, было шатровым. Об этом говорит описание в «Путешествии Антония в Царьград» – «теремом великим» именуется купол храма [Иностранцев, 1913: 36].

Вошедший в церковную архитектуру термин «терем» был перенесен и на лестничные башни – «столпы всходные» [Воронин, 1961: 250]. Уже в 1902 г. А.А.Потапов писал, что «... у многих древних церквей существовали ранее башни-терема, впоследствии отломанные» [Потапов, 1902: 40-41]. Т.о. сходство внешнего вида этих построек привело к некоторой путанице. Так, Н.Н.Воронин при анализе Боголюбовского ансамбля писал: «... изобразительный комментарий к описанным паломниками сооружениям типа теремцов-кивориев дают памятники древнерусской живописи и миниатюры» [Воронин, 1961: 255]. Здесь теремом называют киворий. Так они называются и в комментариях к миниатюрам славянской Хлудовской псалтири второй половины XIII в., изображающей шатровые кивории. Основанием к этому послужила, видимо, схожая архитектура этих зданий: они представляли из себя достаточно высокую башнеобразную постройку с шатровым верхом. Однако, если «терем» мог быть и деревянным, включенным в состав и боярских усадеб (Новгород, Рязань, Вщиж), то лестничная башня, пристроенная к храму, должна была быть только монументальной. В более позднее время, когда исчезла традиция сооружать «всходящие столпы» и вход на хоры стали сооружать в лестничной башне внутри самого храма, терем стал чисто гражданской постройкой. Хотя не исключен и вариант, когда в едином комплексе княжеской резиденции терем иногда являлся одновременно и лестничной башней (например, в Боголюбове), связующими звеньями между дворцом и дворцовым собором, и, т.о. совмещал функции собственно терема и лестничной башни. Еще позже, к XIV в., теремами начинают называть навесы для водосвятия, надпрестольные сени и вообще многие висячие постройки в составе усадьбы.

Однако на X-XII вв., на основе дошедших до нас материалов, можно реконструировать терем, как высокую, башнеобразную (до трех этажей, по Н.В.Холостенко) постройку светского назначения, с купольным шатровым навершием, покрытым позолотой; это здание являлось доминантой княжеской резиденции, и было соединено переходами с другими частями дворцового комплекса. Опираясь на это определение, можно выделить следующие археологические признаки терема: достаточно небольшое сооружение, состоящее из одной (или нескольких небольших) камер, прямоугольное или квадратное (круглое сооружение следует назвать башней или ротондой – Иоаннисян, 1994: 100-148) с достаточно богатой отделкой, находящееся на территории княжеского двора. Причем эти терема могут быть и деревянными. На сегодняшний день можно назвать терема в следующих пунктах:

- монументальные: постройки в Чернигове, Смоленске, Полоцке, Гродно и Боголюбове
- деревянные: в Новгороде, Старой Рязани, Вщиже, Любече.

Наиболее широкое распространение деревянные терема получили в Новгороде. Г.В.Борисевич, посвятивший им отдельные работы [Борисевич, 1982: 269-295], показал, что уже в XI в. в Новгороде выработался специальный тип усадьбы с возвышающимся над остальными постройками теремом [рис. 51-53].

Как мы видим, здесь терем получил более широкое распространение, и он отнюдь не являлся привилегией князя. Это, по-видимому, связано как с особым развитием новгородского строительства, так и со спецификой его политического устройства – феодальная республика. Логично предположить, что княжеская резиденция на Рюриковом Городище по своей планировке мало чем отличается от богатых усадеб Новгорода, например, знаменитой усадьбы К начала XII в., т.н. «хоромы феодала» [Засурцев, 1967: 111-112].

Монументальные же терема были, видимо, обязательной принадлежностью лишь княжеских резиденций, да и то далеко не всегда. По своей структуре и топографии Полоцкий, Черниговский и Смоленский терем достаточно похожи. Лишь размерами, да и то не намного отличается от них Гродненский. Скорее всего это обусловлено специфичностью терема – он должен был доминировать над остальным ансамблем. Его место в структуре дворцового комплекса тоже определено довольно точно – терем располагается в детинце, неподалеку от дворцовой церкви, стоит на краю берегового обрыва, соединен переходом с остальными частями ансамбля. Однако, следует признать, что все же определяющим в данном случае является не материал, из которого создан терем, а его функции и общий облик. В древней Руси терема были как каменные, так и деревянные, но чисто функционально они выполняли во многом одни и те же задачи.

Второй, не менее важный термин летописи, **гريدница**.

В самом конце X в. гريدница первый раз упоминается Летописью в рассказе о пирах князя Владимира: «... по всея неделя устави на дворе в гريدнице пир творити и гريدем, и съсьским, десяцьким, и нарочитым мужем при князи и без князя» [Лавр. Летопись: 996 г.]. Как отмечал М.К.Каргер, уже из этого первого упоминания следует, что гريدница представляет из себя парадное зальное помещение огромных размеров, служившее, по-видимому, только для торжественных приемов [Каргер, 1961: 79].

Во второй раз летописец упоминает гريدницу под 1097 г.: князь Василько Ростиславич Теробовльский, прибывший «в мале дружине» на киевский княжеский двор, был встречен там Святополком «и идоша в гريدницу и прииде Давид и седоша в истобце» [Ипат. Летопись: 1097 г.].

В XII-XIII вв. Гريدница упоминается несколько раз с совершенно новыми функциями – как место заключения знатных узников.

- В «Слове о полку Игореве» гريدница киевского князя Святослава – в ней оказывается половецкий хан Кобяк – «и падеся Кобяк в граде Киеве в гريدнице Святослава» [«Слово о полку Игореве»: 18].
- В 1216 г., по известию Новгородской I летописи «Ярослав выбег в Переяславль, повеле выметати в погреб, что есть новгородьць, а иных в гريدницу» [НПЛ: 1216 г.].
- В 1223 г. в НПЛ: «Изъима пльсковцы и посади я на Городищи в гريدнице» [НПЛ: 1223 г.].

Крайне важно для реконструкции облика гريدниц сообщение Ибн-Фадлана, относящееся к 20-м годам X в.: передавая сведения о князе русов, Ибн-Фадлан писал, что во дворце с князем находятся 400 человек из храбрых соподвижников его и верных ему людей. Эти

400 человек сидят под его престолом; престол же велик и украшен драгоценными камнями... Когда он желает ездить верхом, то приводят его лошадь к престолу и оттуда садится он на нее, а когда желает слезть, то приводят лошадь так, что слезает он на престол» [Гаркави, 1870: 101]. Вряд ли стоит сомневаться, что речь идет о гриднице.

Сам термин «гридница» – один из наиболее архаичных и значимых элементов архаической традиции в русском эпосе. Слова, аналогичные по звучанию и семантике древнерусской «гриднице», имеются в ряде славянских и летто-литовских языков (польское *hrydnia*, литовское *griniča* – Срезневский, 1912: 36). Это позволило Р.С.Липец предположить общеславянскую основу этого слова [Липец, 1969: 155]. Другая группа исследователей относит слово «гридница» к скандинавским заимствованиям (от древнескандинавского *gred* – меч и *grid* – дом). Однако следует заметить, что собственно в древнескандинавских сагах для обозначения дворца короля или ярла применялось слово *hall*, а жилая часть дворца называлась *skali, eldhus* [Глазырина, 1996: 102]. К тому же, учитывая высокую мобильность варяжских военных контингентов на Руси, вряд ли можно допустить, что из их субкультуры в древнерусскую перешло обозначение монументальной парадной постройки. В то же время, наличие уже в санскрите слова *griha*, означающего «дом» с различными производными показывает, что для выяснения истоков этого термина необходимо спуститься в более глубокие, чем средневековые, исторические слои [Липец, 1969: 155].

Для расшифровки понятия «гридница», конечно, нужно учитывать семантику слов «гридин» и «гридень», собирательное «гридба», в основном воин, дружинник.

Неоднозначно определение гридницы и в работах историков разных времен: Н.М.Карамзин считал ее «прихожей дворца князя Владимира»; С.М.Соловьев – «комнатой между другими покоями дворца для пиров и советов»; И.Е.Забелин – «обширной клетью в составе княжого двора»; Б.А.Рыбаков – «общественным зданием, и канцелярией, и местом для собраний»; Ф.Горностаев – «обширными сенями, родом приемной»; Н.Е.Онучков – «комнатой для собрания дружины»; С.К.Шамбинаго – «приемной палатой в княжеских палатах» [Липец, 1969: 162-164].

Из многочисленных упоминаний «белодубовых гридниц» в различных былинах (былина о Ставре, Чурина и госте Терентьище, об Алеше Поповиче и Екиме Ивановиче и др.) можно заключить, что гридница представляла из себя отдельное, достаточно большое здание на княжеском дворе... В большинстве случаев в былинах гридница упоминается во дворе у князя Владимира, реже – у князя черниговского, иноземных королей (Ляхоминского, Василия Окульевича и др.), у различных бояр (Ставра, Чурилы и др.). Гридниц, принадлежавших городской общине, по былинам не известно [Липец, 1969: 153-154]. Видимо, именно гридницами следует считать изображения Радзивилловской летописи, иллюстрирующей советы в Киеве, а также миниатюры из рукописи Иоанна Скилицы, изображающей свидание князя Святослава и Иоанном Цимисхием.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что под гридницей в X-XIII вв. подразумевалось большое здание на территории княжеской резиденции, с огромным тронным залом, большим количеством окон, возможно, двухэтажное, с богатым интерьером, чаще всего монументальное. По-видимому, именно гридницами следует считать все Киевские дворцы [Каргер, 1961: 82], возможно, постройки в Перемышле, Звенигороде и Холме. Не менее богатые гридницы, но из дерева существовали в Любече, Белгороде, Новгороде [Рыбаков, 1964: 23; Полонской, 1911: 234; Засурцев, 1972: 28-30]. Однако высказывалось мнение, что руины построек у Десятинной церкви могли быть уже не собственно гридницами, а

«дворцовыми зданиями переходного типа от гридниц к характерному трехчленному комплексу феодальных хором» [Воронин, 1948: 222].

Архитектурный облик гридниц и их назначение позволяют усматривать, по мнению М.К.Каргера, в этом типе построек княжеского двора отпечаток патриархальной старины и военной демократии [Каргер, 1961: 82]. Такого же мнения придерживается и Ю.П.Спегальский [Спегальский, 1982: 256-258].

В более позднее время, в XIV-XV вв., гридницами называли большие общественные помещения, предназначенные для сходок и братчин.

Важно, что гридница была не собственно жилым помещением, а «определенным типом дворцового здания – отдельной постройкой, не связанной собственно с жилым дворцом» [Воронин, 1948, 221]. И действительно, ни в одном из археологически зафиксированных случаях обнаружения «гридниц», остатков печей для отопления жилого помещения (без которых в X-XII вв. Нельзя представить жизнь в каменном здании) не было зафиксировано. Хотя, возможно, гридница была соединена переходами с другими зданиями княжеского двора. Функции гридниц, по мнению Н.Н.Воронина, наследуют **сени** – еще один летописный термин.

Первый раз наряду с гридницами они упоминаются в конце X в.: в рассказе об убийстве толпой язычников варяга-христианина в Киеве говорится, что варяг с сыном «стоя на сенях», а в ответ на отказ варяга отдать сына в жертву языческим богам, киевляне «посекоша сени под нима и тако побиша я» [Лавр. Летопись: 983 г.].

Во второй половине XI и XII вв. Сени, как важнейшая часть княжеского дворца упоминаются еще несколько раз:

- во время восстания в Киеве в 1058 г.: киевляне ворвались на княжий двор, а князь Изяслав «сяду на сенех с дружиною своею»; затем князь вел переговоры толпой «из оконца зрящу» [Лавр. летопись: 1058 г.].
- в рассказе об убийстве Итларя в Переяславле: «Итларяви в ту ночь лежашу на синице у Ратибора» [Ипат. Летопись: 1095 г.].
- в сообщении о прибытии князя Василько Ростиславича «в мале дружине» на княжий двор в Киеве упоминаются «сене» [Лавр. летопись, 1112 г.].

Два наиболее важных упоминания о сенях, позволяющих определить их место и значение в составе княжеских резиденций, находятся в описании убийства князя Андрея Боголюбского в 1174 г. и в рассказе о приеме киевского посла князем Владимиром Галицким в 1152 г.

В них сообщается:

Под 1174 г. (по Ипат. Летописи, «Повести об убиении Андрея Боголюбского):

- «... И идуще им [убийцам] к ложнице его [кн. Андрея] и приея е страх и трепет, и бежаша с сеней, шедше в медушу и пиша вино ... и тако, упившесе вином, поидоша на сени... [Израненный князь Андрей] во торопе выскочив по них ... иде под сени... и рече один [из заговорщиков]: “Стоя, видех яко князя идуща с сеней долов [т.е. с сеней вниз] ... и сидящу ему [Андрею] за столпом всходным [где он был добит...]и оттуда идоша [убийцы] на сени

и вынимаша золото, и камень дорогое, и жемчуг, и всяко узорочье, и до всего любимого имени...»

- «[Заговорщики] придоша иде те бе блаженный князь лежа в ложнице [перед тем] силою отложиша двери у сеней... он же [князь] подьбежа под сени ... налезоса и под сеньми лежаща...»
- «... И пришед [заговорщики] по двору [т.е. по дворцу] князю, избиша сторожи дворные... и пришед к сени силою двери выломиша и пришедше к ложнице его ... князь же во торопе вскочив на них... и иде под сени. И рече един: “Видех, яко князя идуща с сеной долов”... и наидоша [его] по крови, сидяща за столом восточным и ту приконча его. Во утрии же найдоша князя лежаща мертвым под сеньми».

Под 1152 г. (по Ипат. Летописи):

- «... И яко же съеха Петр с княжи двора и Володимер поиди к божнице святому Спасу на вечерню, и якоже бы на переходех до божнице и ту види Петра едуща и поругася ему...»; когда Владимир возвращался из церкви, то «на том месте, на степени, идеж поругася Петрови», с ним случился удар. Князя перенесли «в горенку» и послали вернуть изяславова посла. «И ту снидоша ему с сеной слугы княжи вси в черных мятлих и видив се Петр и подивися: “Что се есть?”. И яже взиде он на сени, и види Ярослава сидяща на отним месте в черни мятли и клобуце.»

Исходя из анализа этих сообщений, Н.Н. Воронин и О.М. Иоаннисян предложили соответственно, реконструкции структуры дворца в Боголюбове и в Галиче [Воронин, 1961: 247-249; Иоаннисян, 1982: 82-85].

Важно также остановиться на определении и локализации сеней.

Не вызывает сомнений, что сени находились на втором этаже дворцового комплекса, куда вела лестница [Каргер, 1961: 84; Воронин, 1961: 247-248; Спегальский, 1972: 238-241]. Исходя из контекста летописных сообщений, где дважды встречается выражение «подсечь сени», а также «под сени», можно точно сказать, что сени опирались на какие-то опорные столбы. Именно так они изображены на миниатюре Радзивилловской летописи, иллюстрирующей рассказ об убийстве варягов .

Н.Н. Воронин считал сенями второй этаж лестничной башни в Боголюбове [Воронин, 1961: 247]. Возражая ему, Ю.П. Спегальский писал: «сени были богатейшим образом украшены и обставлены драгоценной утварью. Невозможно представить себе, что все это богатство украшало тесные, отнюдь не парадные помещения, лестницы и переходы, а также ясно, что сени являлись большим импозантным помещением, а не закоулком в лестничной башне» [Спегальский, 1972: 243]. Помимо этого, исследователь отмечал, что лестничная башня, сохранившаяся до наших дней, сопоставима с «столпом восточным» и летописец четко разделял его и «сени».

Существенно подчеркнуть, что в древнерусском деревянном строительстве сени занимали срединное положение между двумя клетями, так же как они были средней частью трехчленной русской избы, где по сторонам сеней располагались теплая изба и холодная клеть, служившая кладовой и «чистой» парадной половиной дома для приема гостей [Воронин, 1961: 248].

Ю.П.Спегальский, изучавший богатые жилища Новгорода, реконструирует сени как отдельно стоящее помещение, на опорных столбах, с двухскатной крышей и открытым вторым этажом. Исходя из того, что сени всегда были соединены переходами с другими частями резиденции, с такой реконструкцией согласиться довольно сложно. Да и сам исследователь признавал, что «далеко не всегда в домонгольской Руси сени устраивались таким образом».

Наиболее вероятно реконструкция сеней, как обширного, холодного и светлого помещения, достаточно прочного и надежного, предназначенного для приема гостей в торжественных случаях. Можно думать, что имела тенденция к сокращению площади сеней. Для больших совещаний могли использовать теперь хоры дворцового собора (об этом говорят описания 1174 и 1152 гг.). Сени же служили местом собрания избранной части дружины и бояр [Каргер, 1961: 240]. В тех случаях, когда сени были обширны, как, например, во дворце в Белгороде, они назывались «сенницей» по аналогии с «гридницей» [Воронин, 1961: 249].

Вообще необходимо отметить, что некоторые исследователи идентифицируют сени с гридницей [В.Ф.Ржига, Л.Нидерле, М.Н.Тихомиров]. Об ошибочности такого подхода писала О.И.Подобедова: «в былинах, -- отмечала исследовательница, -- “гридница” и “сени” никогда не подменяют друг друга». И летописец тоже не путает эти термины: так в рассказе Ипатьевской летописи 1097 г. о князе Василько Тербовльском есть упоминание, что Святополк, вышедший «из гридницы» под предлогом распорядиться о завтраке, «стоит на сенях» [Ипат. Летопись: 1097 г.]. Т.о. мы видим, что гридница и сени – различные помещения, хотя и соединенные между собой переходами.

Многие исследователи, начиная с времен И.Е.Забелина, придерживались мнения, что сени занимали промежуточное место между жилыми помещениями, соединяя их между собой, как и в хоронах XVI-XVII вв. Н.Н.Воронин даже предполагал, что «княжеские хоромы по композиции основных помещений являлись повторением крестьянкой избы-шестистенки, и княжеский дворец представлял собой единое здание, состоявшее из покоевых помещений по двум сторонам сеней, занимавших середину этого здания» [Воронин, 1961: 219-220]. В общем такая структура вызывает некоторые возражения: доминантой дворцового комплекса являлись гридница или терем, но не собственно сени. Однако необходимо сделать важную оговорку: семантика слова «сени» очень ёмкая, и поэтому могла применяться как к отдельному зданию на опорных столбах, так и к помещению на втором этаже (терема или лестничной башни) [Подобедова, 1969:166].

Любопытные сведения о сенях мы получаем из одной из скандинавских саг: в ней говорится, что великий князь Ярослав хвалился перед Ингигерд великолепием своей вновь выстроенной залы, на что супруга возразила, что зала у Олава Харальдсона еще лучше, хоть и стоит на одной колонне [Радзевская, 1978: 46]. Датируется это сообщение 1018-1019 гг. Мы видим, что обычай сооружать парадные помещения на опорных столбах был распространен не только на Руси. Это подтверждают и изображения вышивок известного ковра из Байо, где пирующие изображены в сооружении, высоко поднятом на столбах, с ведущей наверх лестницей и шатровой высокой крышей, покрытой чешуйчатой кровлей [Спегальский, 1972, 262]. Хотя необходимо помнить, что сообщения многих саг о реальной действительности весьма приукрашены, и принимать их буквально нельзя³.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить: под сенями в X-XII вв. На Руси понимали достаточно просторное (но гораздо меньше гридницы) помещение парадного харак-

³ Благодарю за консультацию д.и.н. Р.Н.Джаксон

тера, светлое, не отапливаемое, поднятое на столбах высоко над землей, с богатейшими внутренними покоем, соединенное переходами с другими частями княжеской резиденции. Иногда под сенями подразумевали второй этаж терема или лестничной башни.

Археологически выявить такие постройки крайне сложно. На сегодняшний день мы можем (если принять точку зрения Н.Н.Воронина) сопоставить с сенями лишь второй этаж лестничной башни в Боголюбове. В то же время наличие сеней практически во всех княжеских дворцах сомнений не вызывает. Т.о. единственный наш источник представления о сенях в ансамбле резиденций князей – летописные известия.

Как мы видим, и терем, и гридница, и сени – помещения парадного (иди светского) характера. На этом основании их можно объединить в первую группу построек, составляющих княжескую резиденцию. Все они могли быть как каменными, так и деревянными – определяющими являлись функции и внешний вид; для них характерна доминирующая роль в ансамбле, богатое убранство, впечатляющий внешний облик и отсутствие отопления. Собственно жилыми они не являлись.

В своей работе, посвященной древнему Киеву, М.К.Каргер писал: «... на княжеских дворах, кроме парадных приемных помещений были и жилые хоромы» [Каргер, 1959: 242]. Рассмотрим, где же мы встречаемся с термином «хоромы»:

- в 1016 г. Когда князь Ярослав с войском новгородцев пришел к Днепру, где они три месяца стояли против войск Святополка, то воеводы Святополка «укоряли» новгородцев: «Что придосте с хоромьцем сим, а вы плотницы суще? А приставили вы хоромовъ рубити кахихъ» [Лавр. летопись: 1016 г.].
- в рассказе о наводнении 1129 г. упоминается «хором», который был спасен половодьем [Ипат. Летопись: 1129 г.].
- в описании пожара во дворце Владимиро-Суздальской земли: «Тое же зимы, месяца генваря в пятый день, в канун Богоявления сгорели хоромы княжи и церкви две» [Ипат.летопись: 1128 г.].
- в рассказе о загородной усадьбе князя Мстислава около города Луцка: «... место же то красно виденьем и устроено различными хоромы, церкви же бяше в немъ предивна, красотою сияющи, тем же угодно бысть князю пребывать в немъ» [Ипат. Летопись: 1189 г.].

О размере княжеских хором можно судить по свидетельству летописи о торжестве, которое в 1189 г. князь Рюрик Ростиславич устроил в Белгороде на свадьбе своего сына: «Створил вельми сильну свадьбу, аки же несть бывала на Руси; была на свадьбе князи многа, за 20 князей». Как справедливо отметил М.К.Каргер, чтобы пригласить столько гостей, разумеется, надо иметь огромные хоромы [Каргер, 1961: 85].

Важные сведения о хороме имеются в одной из статей древнейшей «Русской правды», а также в двух списках «Пространной правды» (нач. XII в.). Статья «Русской правды» начинается словами: «Или холоп ударит свободна мужа, а бежать в хором». В «Пространной правде» есть статья, трактующая о том случае, когда хозяин разыщет своего холопа в чьем-либо городе или в «хороме». Что это за «хором», где может найти убежище холоп; «хоромы», которые сопоставляются с «градом»? Б.Д.Греков считает, что «хоромы – укрепленное место, поменьше города, принадлежащие определенному владельцу». «Может быть, -- продолжает свою мысль исследователь, -- некоторые хоромы – укрепленные места находились в черте самого города. “Мужи” древнейшей “Правды” – это владельцы хором, где живут они сами, окруженные челядью, обязанной их кормить, одевать, обувать, а в случае необходимо-

сти –защищать. Что это, как не двор средневекового рыцаря, живущего в своем фамильном гнезде – замке?» [Греков, 1954: 41-42].

Как мы видим, хоромы – это комплекс жилых построек, находящихся на княжеском дворе. Само слово «хоромы» видимо, связано с первоначальной округлостью их плана, расположения по радиусу резиденции –от древнерусского «хоро», «поло» – круг [Рыбаков, 1985: 94]. М.К.Каргер называл княжескими и боярскими хоромами «сооружения, состоящие из нескольких клетей, соединенные между собой переходами» [Каргер, 1961: 85]. Ю.П.Спегальский реконструировал хоромы как единый, довольно сжатый комплекс построек, состоящий из разных частей, расположенных на разной высоте, с галереями разного устройства и разной фактурой стен [Спегальский, 1972: 262]. Т.о. хоромы в любом случае – комплекс деревянных жилых построек. Хотя не исключено, что в княжеских дворах какие-то части «хором» могли быть построены из камня.

Какие же постройки входили в состав хором? Это «клетки» [1015 г.], «полати» [1156 г.], «ложница» [1174 г.], «покоище» [1097 г.], «плотница» [1175 г.], «истопка» / «исдобка» [945, 1095, 1097, 1102 гг.], «поруб» [1036, 1067 гг.], «повалуша» [1178 г.].

«Клеть» упоминается летописью в 1015 г., в связи с кончиной князя Владимира: ночью его тело «межи клетми проймавше полост» завернули в ковер и опустили на землю. Происходило это в Берестовском дворце [Лавр. летопись: 1015 г.]. Как мы видим, клеть входила непосредственно в состав резиденции. Само слово «клеть» является собственно древнерусским (от древнего глагольного корня *клеу* – «сжимать», «теснить»; отсюда «клетка») [Колесов, 1986: 202]. Существовали клетки и в составе боярских усадеб [Засурцев, 1963: 113]. Наиболее вероятно, что клеть – это срубная постройка, квадратной или прямоугольной формы. Служила она летней спальней или помещением для хозяйственных нужд. В некоторых случаях при переводах могла быть синонимом «ложнице» [Колесов, 1986: 203].

Собственно «ложница», как и «покоище», «плотица» – обозначали спальню князя. Именно в «ложнице» спал князь Андрей (1174 г), где произошла его первая встреча с убийцами. Видимо, «ложница» находилась в основном объеме дворца, и поэтому археологически локализовать их не представляется возможным. Что же касается локализации «клетей», то хотя на княжеских дворцах их почти не обнаружено (за редким исключением, например, Любеч, Полоцк, Вщиж), представляется вполне корректным использовать в качестве аналогий для княжеских «клетей» постройки боярских усадеб Новгорода, достаточно полно исследованных и реконструированных (П.И.Засурцев, Г.В.Борисевич, В.П.Тюрин, Г.П.Чистяков, Ю.П.Спегальский). Чисто конструктивно они мало чем отличались от княжеских построек (разве что размеры их могли быть большими). Это подтверждают и постройки, открытые в Любече и Полоцке [Рыбаков, 1964: 22; Раппопорт, Шолохова, 1981: 92]. Очевидно также, что функции клетей могли быть очень разнообразны – как непосредственно жилье, так и хозяйственные. Наличие подобного рода построек в составе любой княжеской резиденции сомнению не подлежит.

В составе хором, несомненно, находились и **полати**. В описании «Летописью» постройки Андреем Боголюбским своей резиденции говорится «и град заложи в Боголюбове» [Ипат. Летопись: 1158 г.]. Более подробно об этом событии говорит «Краткий Владимирский летописец»: «и потом приде от Киева Андрей Юрьевич и сътвори Боголюбный град испом осыпа, и постави две церкви каменны и ворота каменны, и полати» [Вл. Летописец: 1156 г.]. В данном контексте «полати» трактуются как непосредственно дворец князя, т.е. постройка, конструктивно связанная с церковью и воротами.

В 1174 г., после убийства князя киевлянин Кузьмище, причитая над телом убитого князя, вспоминал: «... бывало когда и гость приходеж из Цесарягорода и от иных стран из Русской земли, и аче Латинин и до всего хрестьянства и до всее погани и рече [князь Андрей]: “Введете и в церковь и на полати да видять истинное хрестьянство и крестятеся”» [«Повесть об убиении Андрея Боголюбского»: 323]. В этом контексте под «полатами» следует понимать хоры дворцового собора [Воронин, 1961: 228].

Как в случае с «теремом» мы наблюдали перенос термина из дворцовой архитектуры в церковную. Видимо, это связано с функциональной связью этих помещений: они означали покои на уровне второго этажа в составе княжеской резиденции. «Наиболее вероятно, как считал И.Е.Забелин, что «полати» – это внутренние покои дворца, располагавшиеся на втором этаже. Причем они могли быть как непосредственно жилыми в составе хором, так и светскими в составе дворцового храма [Забелин, 1990: 97]. Позже, когда роскошные дворцы с «хоромами» и «полатами» исчезли, исчез и сам термин «полати», а в церковной архитектуре утвердился термин «хоры». Под «полатами» же в первую очередь современные исследователи понимали «каменные помещения княжеского дворца» [Воронин, 1961: 235]. По своему происхождению же наиболее вероятно заимствование термина «полати» от греческого *palatsium* – дворец [Колесов, 1986: 207]. Былины же в данном случае не дают информации для сопоставлений, т.к. в них постоянно происходит смешение терминов «гридня», «палата белокаменная», «хоромы», «дворец» -- под всеми ними подразумевается одно и то же роскошное помещение на княжьем дворе [Липец, 1969: 157].

«Истопка» / «издобка» упомянута в «Летописи» в разных контекстах – как баня или отапливаемая изба:

- в 945 г. Ольга заперла в «истобке» древлянских послов [велев им «измывшися придите ко мне»], а затем сожгла их [Ипат. Летопись: 945 г.]
- в 1095 г., при убийстве половецкого князя Итлара люди боярина Славяты «възлеше на истобку, прокопаша верх» и перебили всех половцев из луков [Ипат. Летопись: 1095 г.]
- в 1097 г. в «истобце» на княжьем дворе в Киеве ведут беседу князя Святополк и прибывший к нему Василько Ростиславич [Лавр. летопись: 1097 г.]
- в 1102 г. при приеме князем Владимиром новгородского князя Мстислава «сели съвещитися в издобке» [Ипат. Летопись: 1102 г.]

Как видно из контекста сообщений, под «истопкой» подразумевали отапливаемое помещение – теплую избу или баню [Каргер, 1961: 85]. Разумеется, такие постройки были необходимы для жизни – в условиях суровой русской зимы жить в каменных не отапливаемых помещениях было практически невозможно. Т.о. можно сделать вывод: «истобка» («издобка») была обязательной принадлежностью княжеской резиденции. К сожалению, археологических материалов, связываемых на княжеских дворах с такими постройками, нет. Но, как и в случае с «клетью», им несложно найти аналогии в древнерусских городах (Новгород, Рязань, Киев и др.). Однако необходимо сделать одну оговорку (в связи с интерпретацией «истопки» как бани): один раз в «Летописи» упоминается строение банное под 1089 (1090) г. сообщается:

«В се же лето священа бысть церкви святого Михаила Переяславская Ефремом, митрополитом тоя церкви, юже бе создал велику сую, бе бо пряже в Переяславле митрополья, и пристроил ю великую, украсив ю всякою красою, церковными сосудами. Сий бо Ефрем скопец, высок телом. Бе бо тогда много зданья въздвиже: докончив церковь святого Михаила, заложи церковь на воротех гродных во имя святого мученика Феодора, и по семь святого Андрея у церкви отворот, и строенье банное нашено, сего же не бысть прежа в Руси» [Ипат.

Летопись, 1090 г.]. По поводу этого загадочного строения существует целая литература [Асеев, Сикорский, Юра, 1967: 199]. Наиболее вероятно, что оно отождествляется с двухкамерной постройкой исследована в Переяславле Хмельницком в 1962 г.

О чрезвычайно богатом убранстве помещения говорит и археологический материал: были обнаружены инкрустированные мозаикой шиферные полы, многочисленны обломки мраморных деталей: полок, плит, карнизов; фрагменты инкрустации их различных пород цветного мрамора; поливные керамические плитки; т.н. «флорентийская мозаика» из восьмиугольных и квадратных кубиков брекчевидных мраморных известняков, многочисленные кубики смальты от настенных мозаик, а также целая капитель из проконесского мрамора [рис. 44]. В подтверждение «банного» назначения постройки говорят находки 5 обломков керамических водопроводных труб, а также полное отсутствие фресковой росписи. Хотя сами авторы раскопок весьма осторожно подходили к интерпретации исследованного комплекса как «строения банного»: «Какое отношение имеет наша постройка к летописному строению, -- считали они, -- неизвестно, т.к. данных о всем комплексе Епископского дворца еще очень мало» [Асеев, Сикорский, Юра, 1967: 214]. Однако П.А.Раппопорт убедительно показал, что «это остатки бани, строительство которой отмечено в летописи под 1089 г.» [Раппопорт, 1982: 35]. Известно, что в Вагаршападе у церкви Звартонц, построенной в 625 г. католикосом Нерсесом Строителем, находился епископский дворец, в составе которого находилась и богато украшенная баня [Раппопорт, 1982: 36]. Т.о. отождествление постройки в Переяславле Хмельницком с летописным «строением банным» сомнений практически не вызывает.

Похожая по назначению постройка была открыта в Киеве, на территории Софийского заповедника. Первоначально М.К.Каргер интерпретировал ее как печь [Каргер, 1958: 458-461], однако позже В.А.Богусевич убедительно доказал, что данное сооружение – не печь, а баня [Богусевич, 1961: 105-106; Раппопорт, 1982: 14]. Летописных соответствий у нее нет, но ясно, что это баня, как и переяславская, входила в комплекс митрополичьего двора. Однако таких каменных бань на Руси было немного - видимо, лишь единицы. Они являлись исключением, а не правилом. Деревянные же бани носили, как уже говорилось выше, название «истопки».

В составе резиденции князя существовали и темницы – «порубы». В него в 1036 г. Ярослав «всадил» своего брата Судислава а Пскове; в «порубе» на Брячиславле дворе в Киеве в 1067 г. сидел полоцкий князь Всеслав [Лавр. летопись: 1036, 1067 гг.]. Наиболее вероятно, что «порубы» представляли собой темные небольшие помещения типа погреба, с массивными дверьми и минимумом внутреннего убранства. Археологического соответствия таким постройкам не существует. Скорее всего они были из дерева и чисто археологически мало чем отличались от разнообразных «клетей» и других хозяйственных построек. Однако, как мы видим, в состав княжеской резиденции входили и тюрьмы – «поруби», позже их функции наследовали «гридницы».

В составе древних хором существовали и «повалуши» – по М.К.Каргеру, холодные горницы, иногда богато расписанные [Каргер, 1961: 85]. Об этом свидетельствует описание роскошных хором в «Слове о богатом и убогом», сохранившемся в рукописном сборнике XII в. библиотеки Троице-Сергиевской лавры. Обращаясь к богатому владельцу хором, автор поучения говорил: «Ты же жив дому, повалуше испывав, а убогий не пмать негде главы подькложити» [Срезневский, 1863: 993. Часто как горницы они упоминаются и в былинах [Липец, 1969: 165-180]. Именно повалушей является постройка в Новогрудке, богато украшенная фресковой росписью [Гуревич, 1964: 98]. Возможно, остатки постройки подобного

типа существовали и в Киеве, на усадьбе Петровского [Каргер, 1958: 462], где так же в остатках деревянной постройки были обнаружены остатки фресковой росписи. Разумеется, «исписываться» повалуши могли не только фресками, но и более простыми рисунками. Не исключено, что они существовали и в Новгороде, Любече, Рязани и других городах.

Как мы видим, жилые постройки, входившие в состав хором были довольно разнообразны: это и отапливаемые избы, и холодные горницы – «повалуши», и небольшие спальни – «ложницы», и полифункциональные «клетки», и бани – «истопки», и роскошные «полати», и тюрьмы – «порубы». Всех их можно объединить во вторую группу построек, входящих в состав княжеской резиденции.

Однако, как считает В.Ф.Ржига, тщательно изучивший письменные источники о древнерусских дворцах: «все летописные свидетельства древнейшего времени, взятые вместе, не дают цельной картины княжеского дворца киевской эпохи» [Ржига, 1929: 15]. Для более точного определения состава построек следует обратиться к описанию «княжеских дворов».

- в 1096 г. половцы сожгли двор Всеволода Ярославича: «Тогда же зажгаша двор Красный, его же поставил благоверный князь Всеволод на холму, нарецаемом Выдобичи, то все окоянии половци запалиша огнем» [Лавр. летопись, 1096 г.]
- в 1146 г. в «Летописи» читаем рассказ о двух княжеских дворах Ольговичей, разгромленных Изяславом Мстиславичем: «Идоста наИгорева сельце, идеже бяше устроил двор добре; бе же ту готовизны много; в бретьяницах и в погребех вина и медове, и что тяжкого товару всякого до железа и до меди, и тягли бяхуть от множества всего того вывозити. Давыдовича же повелеста имати на возы, себе и воем, и потом повелеста затечи двор и церковь святаго Георгия, и гумно его, в нем же бе стогов девятьсот» [Ипат. Летопись, 1146 г.]. В том же году вслед за взятием Путивля подвергся разгрому большой двор князя Святослава Ольговича. По сведениям летописца, «и ту двор Святославль раздели на 4 части, и котнице, и в погребех было 5000 берковськов меду, а вина 80 корчаг, и церковь святаго Георгия всю облупиша» [Ипат. Летопись: 1146 г.].

Во многих упоминаниях (1068, 1147, 1149, 1158, 1174 г. и др.) именно «княжеский двор» является местом грабежа, из чего можно сделать вывод о его богатстве.

А вот как характеризует «феодальный замок» и вотчину XI в. Б.Д.Греков на основе анализа древнейшей «Правды»: «... В «Правде» Ярославичей обрисована в главнейших своих чертах жизнь вотчины княжеской.

Центром этой вотчины является «княж двор», где мыслятся прежде всего хоромы, в которых живет временами князь, дома его слуг высокого ранга, помещения для слуг второстепенных, разнообразные хозяйственные постройки – конюшни, скотный и птичий дворы, охотничий дом и пр.

Во главе княжеской вотчины стоит представитель князя – боярин-огнищанин. На его ответственности лежит все течение жизни вотчины, и, в частности, сохранность вотчинного имущества. При нем, по-видимому, состоит сборщик причитающихся князю всевозможных поступлений – «подъездной княж». Надо думать, в распоряжении огнищанина находятся тиуны. В «Правде» назван также «старый конюх», т.е. заведующий княжеской конюшней и княжескими стадами.

Все эти лица охраняются 80-гривенной вирой, что говорит об их привилегированном положении. Это высший административный аппарат княжеской вотчины. Далее следуют княжеские старосты – «сельский и ратайный». Их жизнь оценивается только в 12 гривен. Т.о. мы получаем право говорить о подлинной сельскохозяйственной физиономии вотчины.

Эти наблюдения подтверждаются и теми деталями, которые рассыпаны в разных частях «Правды Ярославичей». Тут называются клеть, хлев и полный, обычный в большом сельском хозяйстве ассортимент рабочего, молочного и мясного скота и обычной в таких хозяйствах домашней птицы. Ту имеются кони княжеские и смерды (крестьянские), волы, коровы, козы, овцы, свиньи, куры, голуби, утки, гуси, лебеди и журавли.

Не названы, но с полной очевидностью подразумеваются луга, на которых пасется скот, княжеские и крестьянские кони.

Рядом с сельским хозяйством мы видим также борти, которые так и названы «княжими», а «в княже борте 3 гривни, либо пожгуть, либо изудруть».

«Правда» называет нам и категории непосредственных производителей, своим трудом обслуживающих вотчину. Это рядовичи, смерды и холопы. Их жизнь расценивается в пять гривен.

Мы можем с уверенностью говорить о том, что князь время от времени навещает свою вотчину. Об этом говорит наличие в вотчине охотничьих псов и обученных для охоты ястребов и соколов...

Первое впечатление от «Правды Ярославичей», как, впрочем, и от «Пространной Правды», получается такое, что изображенный в ней хозяин вотчины с сонмом своих слуг разных рангов и положений собственник земли, угодий, двора, рабов, домашнего скота и птицы; владелец своих крепостных, обеспокоенный возможностью убийств и краж, стремится найти защиту в системе серьезных наказаний, положенных за каждую из категорий деяний, направленных против его прав. Это впечатление нас не обманывает. Действительно, «Правды» защищают крупного собственника-феодала от всевозможных покушений на его слуг, на его землю, коней, волов, рабов, рабынь, крестьян, уток, кур, собак, ястребов, соколов и пр.» [Греков, 1949: 140-143].

Как видно из всего вышеизложенного, на территории княжеского двора существовал целый ряд разнообразных хозяйственных построек. Это: «медуша» (997, 1174 гг.) «медьвеница» (1175 г.), «бретьяница» (1146 г.), «бражница» (1239 г.), «скотница» (996 г.), «житница» (1168 г.), «погреб» (1136 г.).

«Медуша» – погреб для хранения вареного меда в Игореде сельце – заставляет вспомнить более ранний летописный рассказ о белгородском киселе: «... и повеле искати меду, они же подше взяша меду лукно бе бо погребенов княже медуши» [Лавр. летопись, 997 г.]. «Медуша» упомянута и в летописном повествовании об убийстве Андрея Боголюбского – убийцы «шедше в медушу и пиша вино» [Ипат. Летопись 1174 г.]. Видимо, «медуша» близка по значению к «медьвенице», «бражнице» -- хозяйственные помещения для хранения меда и различных вин.

Слово «бретьяница» И.Е.Забелин считает названием погребя с бортевым медом [Забелин, 1990: 64–65]. И.И.Срезневский полагал, что оно обозначает вообще погреб или кладовую [Срезневский, 1912: 178].

На дворе Святослава Ольговича упомянута, кроме бретьяницы, еще и «скотница». По объяснению И.И.Срезневского, так называлось казнохранилище [Срезневский, 1912: 179], И.Е.Забелина – кладовая со всякой казной [Забелин, 1990: 179]. О существовании «скотницы» уже в древнейшее время на дворе киевских князей известно из летописного рассказа о широком гостеприимстве князя Владимира Святославича: «Повеле выску нищу у убогу призодити на двор къняжь и възимати всяку потребу, житие и ядоше, и от скотьниц купами» [Лавр. летопись, 996 г.].

Нельзя не обратить внимание на изобилие разнообразных запасов, в том числе и «тяжкого товару всякого, до железа и меди», хранившихся на княжьем дворе. Видимо, все эти товары находились в разнообразных «погребах» и «клетях» в зависимости от своего характера. Помимо всего этого, существовал и целый ряд других построек: княжеская конюшня, скотный и птичий дворы, охотничий дом и пр. Разумеется, все эти постройки находились не на переднем плане, а несколько обособленно.

Из всего вышеизложенного можно заключить, что «княж двор» был достаточно обширен. Несмотря на то, что на дворе находились разнообразные постройки, оставалась еще просторная площадь, на которой толпился народ, вершился княжеский суд (на что указывает «Русская Правда»), и даже устраивались конские ристалища [Каргер, 1961: 279].

Т.о., можно выделить третью группу построек княжеского двора – хозяйственные. Археологических соответствий у них нет, но общий их характер легко установить по аналогиям, обнаруженным в различных древнерусских городах. Все они были приспособлены для определенных целей, возведены из дерева, в соответствии с местными традициями.

Четвертую группу построек, несколько условно, можно назвать военно-оборонительными. К ним в первую очередь относятся Волынские башни, а также некоторые постройки, возведенные в «градах-замках» (Вщиж, Любеч). Не исключено, что подобного рода постройки входили и в состав загородных резиденций – Боголюбово, Кидекша, Рюриково городище. Такого рода постройки представляли из себя башни из камня или дерева, нередко, соединявшиеся со стенами или самим дворцом разнообразными переходами.

Возможно, с некоторыми из них можно соотнести термин «вежа». Хотя, как отмечал, А.А.Шенников, в русской письменности до XIV в. слово «вежа» имело несколько значений. Так назывались поселения и жилые постройки у степных полукочевников – половцев, татар. В XIII в. так названа оборонительная башня в городе Холм. Иногда вежами назывались крепостные башни за пределами Руси. В X в. так называли башни в Искоростене, несколько раз они упомянуты как хозяйственные сооружения в монастырях и усадьбах, а летом 1228 г. финны-емь после неудачного нападения на Русь «попрятались в лесе ли, или на ниве, или в вежах» [Ипат. Летопись, 1228 г.; Шенников, 1974: 73; Срезневский, 1860: 78]. Б.А.Рыбаков считает, что «вежа» обозначает прежде всего дозорную башню [Рыбаков, 1953: 81]. Возникнув как оборонительные сооружения городища родовой общины, вежа как уже сложившийся тип крепостной башни органично вошла в состав княжеских и боярских хором [Борисевич, 1982: 281]. Наиболее яркое описание вежи содержится в Ипатьевской летописи: в 1259 г. в замке Холм Даниилом Галицким «вежа же среде града высока якоже бити с нея окрест града.

Создана камнем в высоту 58 локот, создана же сама деревом тесаным, и убелена, яко сыр, светящаяся на все стороны» [Ипат. Летопись, 1259 г.].

В понятии XI-XII вв. «градами» называли не только города, но и небольшую укрепленную усадьбу, которая часто имела боевую башню – «вежу». Такая «башня-вежа» была реконструирована Б.А.Рыбаковым в Любече [Рыбаков, 1964: 22-23]. Позже, вежа как «храмина» на Оженской половине хором упомянута в «Сказании о Борисе и Глебе». Т.о., жилище и двор, дополненные вежой, получив новые оборонительные функции, стали основой личной безопасности и независимости его владельца [Воронин, 1957: 18-19].

Такое разнообразное употребление термина «вежа» говорит о том, что он относился к объектам, сходным не по конструкции; возможно, то, что было увенчано «связанным» шалашом [Шенников, 1974: 74].

Г.В.Борисевич сопоставляет с вежами легендарные дворы Искоростеня [Борисевич, 1982: 281-281]. Исследователь считает, что как архитектурный тип вежа сложилась на боярском дворе еще до X в., а затем получила широкое распространение. Более того, по мнению Г.В.Борисевич, «бесспорно генетическое и функциональное родство терема в хоромы с башней при соборе, называемой вежой, теремом, столпом с сенями просто и сенями со столпом восточным» [Борисевич, 1982: 282]. Такое смешение разных типов построек представляется неправомерным. Хотя нельзя отрицать, что все башнеобразные здания были очень похожи, и в более позднее время часто «смешивались» (например, в былинах – Липец, 1959: 172).

Т.о. военно-оборонительные сооружения башнеобразного типа («вежи», «донжоны», «башни», «столбы [столпы]»), входящие в структуру стен, защищающих княжескую резиденцию и часто связанные переходами непосредственно с дворцом, составляют, на мой взгляд, отдельную группу построек. Однако конструктивные решения были различны в зависимости от региональных условий. Например, по сведениям П.А. Раппопорта, у башни в Каменец-Литовске (по документу 1742 г.) рядом находился дворец Владимира Васильевича [Раппопорт, 1952: 42-43]. Вся территория юга была подвержена нападениям кочевников и поэтому такие «боевые» башни были просто необходимы и, разумеется, входили в состав княжеских замков. На Севере же чисто функциональный аспект был не столь важен, и башни могли использовать и как хозяйственные сооружения, и как нарядные светские постройки.

И, наконец, пятую группу построек княжеской резиденции составляли дворцовые храмы. Из них следует в первую очередь назвать Десятинную церковь в Киеве (989-996 гг.), ц. Бориса и Глеба в Ростове (1214-1218 гг.), Дмитриевский собор во Владимире (11891-1193 гг.), ц. Рождества Богородицы в ансамбле дворца Боголюбово (1158-1166 гг.), ц. Бориса и Глеба в Кидекше (1152 г.), ц. Благовещения на Рюриковом городище (1103 г.), Никольский собор на Ярославовом дворище в Новгороде (1113 г.), Успенский собор в Ярославле (1215 г.), Преображенский собор в Переяславле -Залесском (1152 г.), ц. Петра и Павла в Смоленске (середина XII в.) и др. [даты даны по П.А.Раппопорту, 1982]. Разумеется, существовали и другие дворцовые храмы. Однако их рассмотрение является темой другой работы, т.к. они сооружались в рамках определенных архитектурных школ со своими особенностями и по своим законам [см. работы М.К.Каргера, Н.Н.Воронина, П.А.Раппопорта]. Для нас наиболее важно, что локализация «княжих дворов», а во многих случаях и расположения самого дворца, возможна именно благодаря наличию храма, т.к. «Летопись» тщательно сообщала об обстоятельствах, месте и дате его закладки. Немаловажно, что церковь должна была составлять единый ансамбль с дворцом, и сохранившиеся церкви позволяют нам судить о его

структуре. Так О.М.Иоаннисян, рассматривая дворцовую церковь в Галиче, установил, что дворец состоял из трех основных объемов: жилой половины, храма и лестничной башни. А такая структура предполагает единственную возможность композиции комплекса в целом: все составляющие должны были находиться на одной оси, которая проходила бы через западное членение храма, где располагались хоры [Иоаннисян, 1982: 85].

Как мы видим, церкви составляли важнейшую часть княжеской резиденции, и выделение их в отдельную группу абсолютно правомерно.

Интересно еще одно обстоятельство: как мы видим, собственно в «Летописях» нет термина «дворец» [Попов, 1997: 144]. Однако термин «дворцовый комплекс» и «дворцовый ансамбль» часто применяются исследователями. Вот что говорит нам «Архитектурный словарь – глоссарий» [Плужников, 1995: 53].

«Дворец – это:

- монументальное представительное здание, принадлежащее лицу из высших слоев общества и предназначенное, в частности, для торжественных приемов;
- крупное общественное здание, функция которого выражена в названии (например, Дворец Правосудия);
- путевой дворец;
- задний двор крестьянской усадьбы, предназначенный для скота;
- хутор, обособленная усадьба;
- земледельческое или скотоводческое хозяйство монастыря;

[Плужников, 1995: 28].

О.Н.Мораховская, рассмотрев историю названий усадебных участков, отмечает: «дворец может в некоторых говорах выступать в значении «двор», «небольшой двор», а также в значении «дом» [Мораховская, 1995: 92-93].

Как мы видим, термин «дворец» очень неоднозначный. В контексте нашей работы, мы будем придерживаться определения «дворца» / «дворцового комплекса» как всего комплекса княжеского двора, близкого по значению «хоромам» или «палатам». Вся же территория, занимаемая «дворцовым ансамблем», наиболее точно сопоставима с термином «княж двор».

Теперь следует обратиться к рассмотрению функций, структуры внешнего и внутреннего убранства «дворцов» на основе собственно археологических материалов. Этому будет посвящена третья глава.

А закончить вторую главу мне хотелось бы словами замечательного историка, исследователя русских древностей, И.Е.Забелина:

«Общая характерная черта в устройстве древнего княжеского двора, как и всех других богатых и достаточных дворцов того времени, заключалась в том, что хоромины, избы, клетки ставились хотя и по две, и по три в одной связи, но всегда в отдельности, отдельными группами, отчего и вся совокупность разных построек во дворе именовалась собирательно хоромами. Княжеский дворец не составлял одного большого целого здания, собственно дома, как теперь, но дробился на несколько отдельных особняков. Почти каждый член княжеской семьи имел особое помещение, отдельное от других строений. Для необходимого соединения таких от-

дельных помещений служили сени и переходы. Сени составляли вообще крытое, более или менее обширное пространство между отдельными клетями, избами, горницами, как в верхнем, так и в нижнем ярусе всех построек. Некоторые из древнейших княжеских дворов по красоте своей, а может быть и по красивому местоположению, назывались красными» [Забелин, 1990, 59]. На мой взгляд, это описание удивительно точно отобразило понимание И.Е.Забелиным всей структуры княжеской древнерусской резиденции X – начала XIII вв.

Часть 3. СТРУКТУРА И ТИПОЛОГИЯ «ДВОРЦОВЫХ КОМПЛЕКСОВ»

Цель данной главы – рассмотреть структуру и функции «дворцовых комплексов», внутреннее и внешнее убранство отдельных частей, разнообразные строительные материалы и конструкции, опираясь непосредственно на археологические материалы. Будут показаны также особенности строительства резиденций, вопросы о топографии и генезисе этих памятников. Начать рассмотрение стоит с Киева.

Киев. В Киеве открыт целый ряд зданий дворцового типа [Каргер, 1961: 59-77]. Возведены они были в конце X – начале XI вв., теми же мастерами, которые строили Десятинную церковь. Т.о. на рубеже X-XI вв. в Киеве был создан первый на Руси дворцовый ансамбль, резко выделявшийся среди других древнерусских городов [Раппопорт, 1993: 30]. В определенной степени это являлось и индикатором роста могущества Древнерусского государства, выходявшего на международную арену на новом уровне.

К сожалению, все дворцы – достаточно плохой сохранности. В большинстве случаев дворцы были открыты еще в XIX в. при случайных землеройных работах, затем неоднократно вскрывались вновь и ко времени серьезного археологического изучения в XX в. представляли собой лишь фрагменты фундаментов зданий.

Три дворца находились в непосредственной близости от Десятинной церкви. Судя по технике кладки и стратиграфическим наблюдениям, все они были построены в конце X – начале XI вв. [Каргер, 1961: 59-73]. Предположения о том, что некоторые из этих дворцов были построены еще до возведения Десятинной церкви и относятся ко времени княгини Ольги, лишены серьезных оснований [Раппопорт, 1975: 117].

Полный план дворцового здания удалось установить лишь в одном случае -- постройке, расположенной к югу от Десятинной церкви. Это вытянутое прямоугольное здание, имеющее в длину 45 м, в ширину 11, 5 м. Внутри оно было перегородено поперечными стенами на 3 части, причем крайние помещения были квадратными, а среднее – вытянутое. Фундамент дворца имел в ширину 1,7 м, т.е. на 20 см превышал ширину фундамента Десятинной церкви [Каргер, 1961: 69]. Все сохранившиеся части фундамента представляют буттовую кладку из крупных кусков красного кварцита на растворе извести с цемянкой. Интересно, что на дне все фундаментных рвов были обнаружены остатки деревянных балок, уложенных вдоль рвов по четыре в ряд. Между балками повсюду наблюдались остатки вдавленной в материк известковой заливки, а также ряды правильно расположенных деревянных кольев, форму которых можно проследить по пустотам, образовавшимся в плотном материальном лессе. Из фрагментов интерьера можно отметить находки кусков штукатурки с фресковой росписью и обломков мозаики [Каргер, 1961: 70]. Однако надо иметь в виду, что разделить фрагменты убранства дворцов Киева от убранства Десятинной церкви (из-за невысокого методического уровня работ В.В.Хвойко) крайне сложно. В то же время очевидно, что во многом это убранство было схожим, конструкции мозаичного пола Десятинной церкви вполне можно привлекать как аналогию для реконструкции полов дворцовых зданий.

Менее ясна схема другого дворцового здания, расположенного перед западным фасадом Десятинной церкви, в Десятинном переулке. Здесь были расположены две параллельные стены, расстояние между которыми равно 9 м. Эти продольные стены прослежены на протяжении 35 м, но концы их не обнаружены. Вскрыты также две поперечные стены, выделявшие внутри здания квадратное помещение. Как и в предыдущем здании, по всей длине фундаментных рвов были уложены прямоугольные в сечении дубовые и сосновые балки, на которые во всю ширину рвов были положены поперечные балки [Каргер, 1961: 73].

Проводивший в 1914 г. раскопки этого дворца С.П.Вельмин отмечал, что ось квадратного помещения совпадает с осью Десятинной церкви [Каргер, 1961: 73]. На этом основании он выдвинул гипотезу, что квадратное помещение являлось центральным, а по обе стороны от него должны были быть расположены удлиненные помещения. Эти предположения позднее развил Н.В.Холостенко. В результате чего была создана реконструкция плана этого дворца, якобы имевшего в длину почти 75 м [Холостенко, 1965: 83]. Между тем, как справедливо отмечал П.А.Раппопорт, совпадение осей Десятинной церкви и квадратного помещения дворца очень приблизительное и по всей вероятности случайное. А главное – такое совпадение, даже если бы оно действительно имело место, ни о чем не свидетельствует в отношении плановой структуры дворца, поскольку строгая асимметрия не характерна для древнерусских архитектурных ансамблей [Раппопорт, 1975: 112].

Крайне отрывочны данные о третьем дворцовом здании, которое было расположено на краю горы северо-восточнее Десятинной церкви. Судя по сведениям, сообщаемым В.В.Хвойкой, производившим раскопки этого дворца в 1907-1908 гг., в здании было найдено много деталей архитектурного убранства: множество тонких кирпичных плиток со скошенными боковыми стенками и со следами светло-коричневой краски, куски карнизов, плит и больших частей дверных наличников, сделанных из мрамора, красного шифера и других пород камня [Хвойко, 1913: 66-69; Каргер, 1961: 64]. На полу здания были обнаружены обгоревшие доски и бревна, в строительном мусоре у дворца было найдено несколько поливных плиток, а также крупные оконные стекла.

К сожалению, и отсутствие документации и дилетантский подход В.В.Хвойки не дают возможности судить ни о плане, ни об архитектурном облике постройки. Интересно, что в одной из стен этого здания был обнаружен клад, состоящий из «шести или восьми серебряных киевских гривен и половины золотого браслета» [Каргер, 1961: 61].

В результате работ Киевской экспедиции 1936 г. были получены некоторые новые данные об этом здании. Были выявлены остатки фундамента из двух рядов железистого песчаника на растворе извести; остатки кладки стен – из плоского квадратного кирпича (31x31x2,5); выявлены завалы кладки упавших частей стен с фрагментами штукатурки с фресковой росписью мозаикой [Каргер, 1961: 66]. М.К.Каргер высказывал предположение, что здание было двух- (а, возможно, и трех-) этажным, причем верхние этажи были из дерева [Каргер, 1961, 67].

У всех трех дворцовых зданий каменные фундаменты, а стены сложены из плинфы и камня в технике, полностью совпадающей с техникой кладки Десятинной церкви [Раппопорт, 1975: 113]. То, что их строили мастера из Византии, не подлежит сомнению. Однако найти более точные аналогии на нынешней источниковой базе не представляется возможным.

Четвертое дворцовое здание было раскопано близ т.н. церкви Ирины . Кладка фундамента этого здания оказалась целиком выбранной, но границы фундаментных рвов позволили определить очертания постройки. Раскрыт был лишь кусок здания длиной около 14 м. Судя по территории, на которой находился этот дворец, он был, видимо, построен не при князе Владимире, а несколько позже – наличие лежней под фундаментом постройки свидетельствует, что она относится к XI в. [Раппопорт, 1975: 113].

Еще один дворец был, по-видимому, обнаружен на территории усадьбы Петровского. Никаких сведений о размере и форме этого здания не имеется. В.В.Хвойко относил эту постройку к XII в., и отмечал, что в развале лежали слои рухнувшей вместе со стенами штукатурки, «украшенной богатой фресковой росписью» [Хвойко, 1913: 69].

Все киевские дворцы являлись скорее всего гридницами. Их основная функция – парадная, светская – прием гостей, пир дружины. Определить конкретный архитектурный облик их крайне сложно. Если обратиться к миниатюрам Радзивилловской летописи , то можно предположить, что «дворцы» Киева представляли собой длинные здания с башнеобразными конструкциями по краям, с многочисленными арками и окнами, через которые освещался главный парадный зал. Конструкция арок и проемов была разной – трехколонной, килевидной . Снаружи здания, возможно были украшены росписью и позолотой.

Близкое по назначению здание, хотя и из дерева, было открыто в Белгороде . В публикации Н.Д.Полонского отмечалось: «... найдены плитки, качество поливы которых, яркость красок и сама техника указывает на близкое сходство с образцами плиток из холла под новой церковью» [Полонской, 1911: 63]. Характеризуя здание, исследователь писал: «... к западу от каменного храма были еще найдены остатки деревянных стен, обмазанных толстым слоем глины, потрескавшейся от действия огня. Здесь оказалось тоже множество плиток, покрытых различными рисунками , хорошей выделки, служивших, очевидно, для облицовки стен, на что указывают сохранившиеся на оборотной стороне многих из них следы глины и извести, с помощью которых они крепились к стене. Тут же найдены золотая греческая монета (вогнутый солид) и согнутая же иконка со следами тонкой работы перегородчатой эмали, которая встречается только в изделиях греческих мастеров XI в.» [Полонской, 1911: 63-64]. Наиболее вероятно, что и белгородская постройка была именно «гридницей».

Как мы видим, топографически все эти постройки приурочены к центру города, к дединцу. Они являлись основой первых княжеских резиденций, и, вместе с дворцовым храмом формировали доминанту княжеского двора.

Каков был интерьер «гридниц»? Как мы видим, украшены они были очень богато. Полы были мозаичными со сложным орнаментом (геометрическим или зооморфным), из майоликовых плиток или ценных пород камня и смальты. Были, однако, полы и деревянные (от отдельных частях гридниц Киева), а также металлические – выложенные медными плитами (например, Боголюбово).

Оконные проемы были относительно велики и пропускали достаточно света по сравнению с узкими волоковыми оконцами, задвигавшимися доской, в обычном жилище. Застекленные окна были редкостью, однако, судя по находкам круглых стекол в Киеве, иногда применялись и они. Стены гридниц были расписаны фресками, изображавшими разнообразный геометрический и зооморфный орнамент. Гипотеза Б.А.Рыбакова об «умолчании былин о росписях в княжеской гриднице, как об умолчании о непонятном и неприемлимом с народной точки зрения» [Рыбаков, 1963: 85], представляется маловероятной. Никаких археологи-

ческих данных для такого заключения нет. В интерьер гридниц были, видимо, органично вписаны и колонны, которые поддерживали перекрытия. В качестве аналогии можно привести описание Влахернского дворца из «Истории Никиты Хопиата», где упоминаются «...огромные андроки с колонками, они горят золотой мозаикой, и в них с удивительным искусством изображены все подвиги императора против варваров» [«История Никиты Хопиата»: 266]. Рассмотрение же мебели и внутреннего убранства дворцов будет произведено ниже, т.к. и в гридницах, и в теремах, и в сенях эта категория убранства интерьера была во многом схожей.

Прежде чем перейти к рассмотрению «теремов», следует остановиться еще на двух постройках, по размерам схожим с Киевскими гридницами – это здания из Звенигорода и Перемышля. Конечно, чисто формально их можно назвать «гридницами», но это будет маловероятно по следующим причинам:

- дворцовая постройка в Перемышле датируется X в., но ее планировка говорит о том, что данный памятник лежит вне русла развития древнерусской архитектуры, а относится еще к тому времени, когда Перемышль входил в польскую державу Пястовичей [Иоаннисян, 1994: 105].
- плохая сохранность и крайняя фрагментарность фундаментных рвов постройки в Звенигороде не дает возможность ее реконструкции и локализации. Вдобавок, под завалом «дворцовой» постройки обнаружены остатки жилищ XII в., а это указывает на невозможность сосуществования на этом же месте дворца.
- и наконец, по топографии, предложенной А.А.Ратичем, для того, чтобы попасть на хоры собора, нужно было войти в алтарь – причем на уровне второго яруса – вещь, совершенно абсурдная для древнерусского зодчества [Иоаннисян, 1982: 148].

Чернигов. В центральной части Чернигова, близ Спасского собора, были раскопаны остатки двух кирпичных гражданских построек [Богусевич, Холостенко, 1952: 35; Холостенко, 1963: 3].

Одна из построек имеет размеры 9,8x6,5 м. Внутренняя поперечная стена делит постройку на две части. Толщина стен – около 1,2 м. В раскопе были найдены куски сводов и фрагменты свинцовых листов, а также керамические плитки (с поливой и фигурные без поливы) [Холостенко, 1963: 6]. Судя по технике кладки и стратиграфическим наблюдениям, здание может быть отнесено к первой половине XI в. [Раппопорт, 1975: 113]. В XII в. здание было разрушено, и на этой территории воздвигнута Борисоглебская церковь.

Второе здание было открыто в 1950-51 гг. Оно меньше по размерам и состоит из одного помещения. Квадратное в плане, 7,5x7,5 м, толщина стен 1,4 м. В одной из стен сохранился дверной проем 76 см. На углах здания есть мощные пилястры, образуемые как бы продолжением стен. Фундаменты сложены из больших колотых камней, глубина залегания достигает 1,1 м [Богусевич, Холостенко, 1952: 35].

Система кладки стен – крестовая, с чередованием ложковых и тычковых рядов. Кирпичи имеют знаки, вдавленные на постелистых сторонах, и рельефные – на торцах. Торцовые рельефные знаки сделаны в виде прямых черт, дужек и их сочетаний, а также букв. Около стен здания было найдено много предметов XI-XII вв., обломков глиняной посуды, стеклянных браслетов, шиферных пряслиц (6 штук с надписями и знаками), поливные плитки и штукатурки с фресковой росписью [Богусевич, Холостенко, 1952: 38]. Помимо этого, найдены еще полуколонки, по крайней мере двух типов, и арочные карнизы. Найденные куски оплавленного свинца дают возможность судить о материале кровли. Терем относится, види-

мо, к XII в. [Раппопорт, 1975: 113]. Судя по топографии расположения терема, он вполне мог соединяться переходом с Борисоглебским собором. Интерпретируется, как «терем Давида Святославича» 1123 г.

Смоленск . Раскопками 1965 г. на Соборной горе в Смоленске, т.е. на территории древнего смоленского детинца, были вскрыты остатки кирпичной постройки [Воронин, Раппопорт, 1979: 103]. От здания сохранились лишь две смыкающиеся под прямым углом стены (рис. 42), одна из них длиной 5,3 м, но первоначальная длина реконструируется не менее 7,8 м [Раппопорт, 1975: 114]. Фундамент состоял из одного-двух рядов булыжника, на известковом растворе. Обращенная внутрь поверхность сложена аккуратно; на нее выходят в основном тычковые ряды плинф и лишь изредка ложкѹ (рис. 97). На кирпичях довольно много знаков и клейм.

В северо-западной стене близ самого угла расположен дверной проем . Проем обрамлен двумя симметричными выступами. Сохранились плиты порога. Вход в здание вел не с уровня древней поверхности, а из специального приямка. Очевидно, пол здания находился ниже древней поверхности земли. Полное тождество строительной техники с датированными памятниками смоленского зодчества позволяет определить время возведения здания – середина XII в. [Воронин, Раппопорт, 1979: 108]. Интерпретация данного терема спорна: Н.Н.Воронин и П.А.Раппопорт считали его княжеским – князя Ростислава; Л.В.Алексеев – епископским – грека Макушка [Воронин, Раппопорт, 1979: 109; Алексеев, 1980: 153].

Вероятно, в Смоленске находился еще один терем – в составе загородной княжеской резиденции князя Ростислава у ц. Петра и Павла [Алексеев, 1980, 239], но о его топографии и плане сказать ничего нельзя.

Гродно . Здание располагалось в детинце древнего Гродно, недалеко от Верхней церкви. Первоначально этот памятник был интерпретирован Н.Н.Вороным как крепостная башня [Воронин, 1954: 136-137], однако позднее П.А.Раппопорт убедительно доказал, что это здание является именно теремом [Раппопорт, 1988: 65-66] (Следует отметить, что впервые это мнение высказал еще И.Иодковский в 30-е годы). В длину здание имело 9,72 м . Оно состояло из двух помещений: основного большого и узкого в восточной стороне. В стенах большого помещения сделаны ниши, некогда перекрытые арками; выход находился с северной стороны . Фундамент здания очень неглубокий – один ряд валунов. Поверх фундамента лежит вымостка из четырех рядов кирпичей на растворе. В наружные поверхности стен (кладка сохранилась местами до высоты 2,5 м) в качестве декоративного убранства вложены полсы больших, слегка обтесанных камней [Раппопорт, 1988, 66]. Перед входом в здание были возведены две параллельные стенки, сформировавшие крыльцо или тамбур перед порталом. О богатстве внутреннего убранства, помимо декоративных ниш, свидетельствует большое количество поливных керамических плиток (в том числе фигурных), найденных при раскопках. Здание могло иметь несколько этажей. В таком случае, по мнению П.А.Раппопорта, узкое помещение могло представлять собой лестничную клетку, а керамические плитки могли относиться к полу второго этажа, поскольку пол нижнего этажа был кирпичным [Раппопорт, 1988: 60]. Датируется терем XII – началом XIII вв. Не исключено, что постройку данного терема возможно связать со следующей исторической ситуацией: в XII в. Давыд Игоревич, готовясь женить своего сына, юного Всеволодка, на Агафии – дочери Владимира Мономаха – строит в Гродно терем, считая , что дочь Мономаха должна иметь в Гродно все те же удобства, что она имела в Киеве [Podkovski, 1948: 166].

Полоцк . В 1976-77 гг. в Полоцке были исследованы остатки терема. От постройки сохранились только фундаменты, сложенные из камней-булыжников. Это было небольшое, почти квадратное в плане здание 4,7x4,2 м. С запада к основному помещению примыкало другое, еще меньше 2,5x2,4 м. Внутри помещения находился подвал, и потому внутренняя сторона фундамента гладко затерта раствором. Пол был вымощен камнями на известковом растворе, а поверх камней на тонком слое глинисто-песчаной подсыпки лежал деревянный дощатый пол [Раппопорт, Шолохова, 1981: 92]. Датировка здания в общих чертах достаточно ясна – это середина или вторая половина XII вв.

Все вышеперечисленные терема имеют общее в топографическом размещении: они располагаются на краю детинца, над склоном к реке. Совпадают состав и примерное расположение ансамблей в Смоленске и Полоцке XII в.: в центральной части детинца – большой собор; неподалеку – княжеская церковь, а на краю – терем [Раппопорт, Шолохова, 1981: 94]. Как и у гридниц, основная функция теремов – светская (или парадная), однако, помимо этого, через второй этаж «теремов» попадали на хоры собора и собственно во дворец – «ложницу», «палаты». Как мы видим, функции теремов были несколько шире, чем гридниц. Из строительных особенностей, свойственных «теремам», можно назвать следующие:

- сложенные насухо фундаменты (Смоленск, Полоцк), что связано с наличием у теремов полуподвального этажа.
- мелкое заложение фундаментов большинства теремов, поскольку эти дворцовые здания, несомненно, имели меньший вес, чем храмы
- достаточно незначительная толщина стен, т.к. терема имели не сводчатые, а деревянные балочные перекрытия
- достаточно богатое внутреннее убранство теремов
- наличие поливных плиток, мозаики, смальты и пр.

[Раппопорт, 1994: 70-94].

Помимо этого, несомненна топографическая связь терема и дворцовой церкви. Однако, как видно из материалов археологических исследований, в состав княжеских резиденций могли входить не только монументальные, но и деревянные терема, как в Новгороде или Рязани. Определяющими в данном случае являлись функции, выполняющиеся теремом, а не материал, из которого он возведен. Такого рода «терема» существовали и в Любече, и в Изяславле, и в других русских городах.

Боголюбово . Боголюбовский комплекс – уникальный памятник древнерусской архитектуры. Это единственный монументальный каменный замок. После работ Н.Н.Воронина мы можем довольно четко проследить его структуры. Немаловажно и описание 1174 г., позволяющее локализовать отдельные части замка. Итак, сам замок представлял из себя Рождественский собор, по обе стороны от него – лестничные башни («терема»?), соединенные переходом и само здание дворца. Возможно, дворец соединялся переходом и со стенами. Из непосредственно археологических материалов, связанных с дворцом, Н.Н.Воронин отмечает обломок колонны колончатого пояса и две поливные плитки от полов: одну – желтую, другую – с орнаментом из желтых кругов о молочному полю [Воронин, 1961: 241].

Сам дворец был построен в технике полубутовой кладки. Его камень обработан также, как камни переходов и собора. Как и переходы, он был двухэтажным. Его верхний этаж являлся парадной, собственно дворцовой частью здания и имел майоликовые полы; в нижнем – скорее всего, были служебные помещения. По внешнему облику дворец, видимо, был очень близок к остальным частям ансамбля; верхний этаж был украшен колончатым поясом,

который связывал все северное крыло комплекса непрерывной горизонталью; фасады членились лопатками с полуколоннами, более легкими, чем у собора. Окна могли иметь, в зависимости от места из расположения, трех- и двухпролетную форму и форму узкого щелевидного окна. Последние, вероятно, были применимы в нижнем этаже дворца, носившем более строгий, «крепостной», характер, первые – в его парадной, дворцовой верхней части. Можно думать, что в покрытиях дворца, как и в покрытии переходов, были применены прямолинейные двухскатные и шатровые кровли, отличавшие гражданские части корпуса от дворцового собора.

Таковы, по мнению Н.Н.Воронина, фактические данные и предположения об облике северной части ансамбля [Воронин, 1961: 241-242]. На сегодняшний день на месте самого дворца находится казарменный корпус келий и поэтому более подробно рассмотреть облик дворца не представляется возможным. Датируется сооружение замка 1158-1165 гг. [Раппопорт, 1982: 58]. Подобных замков – загородных резиденций в Древней Руси не существовало. Чисто функционально к этой резиденции Андрея Боголюбского близки резиденции Юрия Долгорукого в Кидекше (см. «Каталог № 2»), а также резиденции на Рюриковом Городище, Сарском Городище («Городе Алеши Поопвича» по А.Е.Леонтьеву) и некоторые другие, располагавшиеся в ближайшем пригороде города (Киев, Смоленск и др.).

В постройке Боголюбовского комплекса, по мнению Н.Н.Воронина, участвовали строители из империи Фридриха Барбароссы (учитывая внешнюю политику Андрея Боголюбского). В пользу этого свидетельствует близость в планировке ансамбля в Боголюбово с дворцом в Госларе (1082 г.) и замком в Данквардероде (1175 г.). Об этом говорят и аналогии в аркатурно-колончатых поясах (дворцы в Эгере и Вартбурге), в колонках по хоромам Боголюбовского собора (капелла в Эгере, капелла в Одилиенбурге, базилика Георгия в Хагенау), а также схожесть в технических приемах строителей Ингельгейма – например, в посадке капителей при помощи долбленых каналов с металлическим стержнем – и строителей Боголюбово [Воронин, 1961: 334].

Не исключено, что «входные столбы» Боголюбово могли называться и «теремами».

Т.о. на основе всего вышеизложенного можно попытаться рассмотреть интерьер теремов. Эти башнеобразные постройки имели достаточно небольшую площадь. Как уже говорилось во второй главе, второй этаж теремов мог именоваться и сенями. Украшены стены теремов были фресковой росписью, разнообразным «узорочьем» – тканями и коврами; полы верхнего этажа были выложены поливными майоликовыми плитками и мозаикой, нижнего – деревом или кирпичом. К сожалению, типично археологических материалов, связываемых с мебелью, в теремах нет. Однако, возможно, на мой взгляд, привлекать некоторые описания былин и аналогии из Новгорода.

Центральное место в гриднице занимал престол – т.е. «трон»; в тереме, видимо, вдоль стен располагались лавки («беседы» былин), скорее всего из дуба. Возможно, там же располагались и разнообразные столы (может быть, передвижные), стулья – табуреты, кресла с орнаментацией и различными подлокотниками [Хорошев, 1997: 8-10]. Мебель во «дворцах» была представительна: из дуба с инкрустацией «рыбьего глаза» (моржового клыка) или слоновой кости, «поддернутая» и «потянутая» дорогими тканями («узорочьем») [Минец, 1969: 44].

На втором этаже теремов освещение обеспечивалось с помощью достаточно просторных окон. На первом же, видимо, применялись обычные в древней Руси светильники, под-

свечники и светцы . В интерьере, скорее всего использовались и разнообразные предметы мелкой декоративной пластики, керамика, ковры, меха и пр. Определить это точно не представляется возможным. Так выглядел интерьер теремов. Снаружи они могли быть украшены резьбой (как например, в Боголюбове), росписью; шатровые крыши, уложенные свинцовыми листами, были позолочены [Соловьев, 1993: 224]. Переходами терема были соединены с другими частями ансамбля.

Для уточнения структуры княжеской резиденции крайне любопытно описание дворца в Галиче . Наиболее вероятна его локализация у ц. Спаса [Иоаннисян, 1986: 103-105], хотя существуют и другие мнения:

- рядом с Успенским собором на центральной площади древнего Галича [Аулих, 1980, 148].
 - Й. Пеленьский – на «Золотом току» в Крылосе.
- В пользу локализации у ц. Спаса говорят следующие факты:
- нахождение при раскопках в церкви тонких квадратных колонок, аналогии которым находятся в лестничной башне Боголюбовского комплекса
 - характер стратиграфии, говорящий о том, что к юго-западу от ц. Спаса находилась еще одна белокаменная постройка

[Иоаннисян, 1982: 87].

Судя по летописному свидетельству, дворец в Галиче, как и дворец в Боголюбове, был двухярусным и состоял из трех основных объемов: жилой половины, храма и лестничной башни, связанных между собой переходами. Такая структура, как считает О.М.Иоаннисян, предполагает единственную возможность композиции комплекса в целом: все составляющие его части должны были находиться на одной оси, которая проходила бы через западное членение храма, где располагались хоры [Иоаннисян, 1982: 85].

Т.о. как мы видим, общая композиционная структура дворцов в Галиче и Боголюбове одинакова. Видимо, эта схема (жилой объем – терем / столп – храм) были широко распространены во всей древней Руси (Смоленск, Ярославль, Владимир, Киев, Чернигов, Переяславль и др.).

Однако в более юго-западных землях композиция резиденций пошла несколько по другому пути. Интересен в этом смысле замок в Холме . Он выполнял одновременно и функции города, и функции резиденции. Комплекс представляет из себя сложную конструкцию из стен и примыкающих к ним помещений. В рассказе о пожаре Холма в 1259 г. летописец подробно перечисляет постройки, сооруженные здесь Даниилом, в том числе церкви, высокую боевую башню, колодец глубиной в 35 сажень, «столп» с каменным орлом вблизи города и пр. [Ипат. Летопись: 1259 г.] В результате работ, проведенных в 1910-1912 гг. П.П.Покрышкиным были обнаружены «остатки крепостной стены и около ста тесаных зеленых камней, представляющих части наличников и колонн церковного здания» [Раппопорт, 1954: 315]. В другом месте была обнаружена «...круглая внутри и четырехугольная снаружи башня, сложенная из твердого плитняка. Найдено до 6 пудов сплава меди с оловом» [Раппопорт, 1954: 316]. Общий характер профилировки архитектурных деталей, обнаруженных раскопками в Холме, несомненно, указывает на их принадлежность к XIII в. [Раппопорт, 1954: 318]. Возможно, что остатки раскопанной башни и есть остатки «вежи», упоминаемой «Летописью». Рядом, с юго-западной стороны, к башне примыкало удлиненное помещение. Как это помещение, так и сама башня были внутри завалены мелкими камнями и землей, а кое-где находились и крупные зеленые камни, в том числе профилированные части архитектурного убранства. Как мы видим, структура Холмского замка отличается от структуры го-

родских резиденций Киева или Чернигова, однако функционально близка Любечскому или Изяславскому замкам. Видимо, к этому типу «замков-резиденций» можно отнести и сооружения во Львове на Замковой горе [Багрий, Могитич, Ростич, Свиников, 1975: 297-298; Багрий, Могитич, Свиников, 1976: 295], и в Луцке [Говдиенко, Кучинско, 1979: 320.]. Однако крайняя фрагментарность этих построек не позволяет более точно определить их характер и структуру.

Технические особенности кладки стены, раскопанной в Холме, близки технике кладки Белавинской и Столпьевской башен [Раппопорт, 1954: 322]. Однако, как отмечал П.А.Раппопорт, техника каменной кладки может говорить лишь о близости строительной традиции, но не о точном хронологическом совпадении памятников, т.к. эта техника могла не изменяться за 100 лет или даже за 150 лет [Раппопорт, 1954: 322]. В то же время, можно допускать существование артели, создававшей в городах Волынской земли (Любомль, Чарторыйск, Луцк) специфические «замковые» ансамбли, совмещавшие военные и светские функции.

Отдельного рассмотрения заслуживают Волынские башни. На сегодняшний день сохранилось три башни: в Каменец-Литовске, в Белавине и Столпье. Основное назначение башен – военное [Раппопорт, 1952: 208]. Помимо этих 3 башен, «Летопись» свидетельствует о наличии еще пяти: в с. Спасе, Берестье, Холме, Гродно и Чарторыйске. Все перечисленные башни расположены на территории Волыни (главным образом, в ее западных районах) и несколько севернее, в пределах Гродненского княжества. Хронологически все они относятся ко второй половине XIII в., и лишь некоторые, быть может, были построены в первой половине XIV в. По мнению П.А.Раппопорта, широкое распространение башни получили со второй половины XIII в. [Раппопорт, 1952: 221].

Военное назначение волыньских башен было, по-видимому, различным, и с этой точки зрения объединение их в одну группу является чисто условным. Для нас важно, что некоторые из них могли формировать специфические «замки-резиденции». Так, например, рядом с башней в Каменце были обнаружены остатки кирпичной кладки, а по сообщению священника Паевского, еще в документе 1742 г. упоминалось, что рядом с башней (к западу от нее) находился дворец Владимира Васильковича. Вероятно, именно связи с дворцовыми сооружениями обязана Каменецкая башня и тем, что имеет несколько больше элементов декоративного убранства, чем остальные башни [Раппопорт, 1952: 221]. Т.о. эти башни вполне могли входить в состав княжеской резиденции-замка.

Подобные замки-резиденции князей («властителей») известны в Польше [Kotodzieski, 1993: 243-245]. Не исключено, что именно связь с западным соседом обусловила наличие на Волыни замков подобного типа [Раппопорт, 1952: 222].

Как мы видим из всего вышеизложенного, все монументальные дворцовые постройки возводились в рамках существующих архитектурных школ, и не составляют типологически одной группы построек. Каждый князь строил гридницу или терем в зависимости от своих возможностей вести каменное строительство. Не случайно, что почти все каменные дворцы связаны со временем расцвета того или иного княжества, связанного с определенным князем (Киев – Владимир Святой; Смоленск – Ростислав Мстиславич; Чернигов – Давид Святославич; Владимиро-Суздальская земля – Юрий Долгорукий и Андрей Боголюбский и пр.). Т.о. наличие каменных дворцовых зданий является своего рода индикатором уровня могущества княжества, отражающим его статус в период феодальной раздробленности Руси в конце XI – начале XIII вв.

Интересными постройками, входившими в состав резиденции (правда, видимо, не княжеской, а епископской) являются две каменные бани, открытые в Переяславле Хмельницком и в Киеве. Однако, они являются скорее исключением, а не правилом. Чаще всего сооружалась «истобка» -- обыкновенная деревянная баня.

Существовали каменные дворцовые постройки и в других городах древней Руси – в Ростове [Иоаннисян, Зыков, Леонтьев, Торшин, 1994: 189], в Яролавле [Дубов, Иоаннисян, 1980: 19], во Владимире [Воронин, 1949: 215-225] и др.

Интересные каменные гражданские постройки были открыты в Пскове, в Довмонтовом городе. В.Д.Белецкий на основе анализа стратиграфии крепостных стен Довмонтова города датировал их концом XIII в. [Белецкий, 1972: 68-80; Белецкий, 1996: 135]. В одной из этих построек (№ IV) был обнаружен княжеский «архив». Т.о. можно предположить, что в княжеских резиденциях существовали своего рода «административные» здания, предназначенные для хранения документов (например, на Рюриковом Городище). Однако для точного заключения о существовании подобного типа построек мало конкретного материала.

Княжеские дворы существовали во многих городах северо-западной (Псков, Изборск, Старая Ладога, Новгород, Старая Русса), северо-восточной (Юрьев-Польский, Суздаль) и южной (Новгород-Северский, Луцк, Вышгород, Вщиж, Новогрудок) Руси. Чисто формально можно предположить – там, где был князь, был и княжий двор. Однако, помня ситуацию в древней Руси, когда князья очень часто сменяли друг друга, переезжая из города в город, можно сказать, что далеко не всегда можно четко локализовать княжеский двор. И тем более, сложно предположить, что на каждом княжеском дворе существовала впечатляющая резиденция. В состав двора такого князя входили лишь деревянные здания. К сожалению, остатков таких построек (за исключением, пожалуй, Любеча) практически не обнаружено. Однако, на мой взгляд, вполне правомерно привлекать в качестве аналогий таким постройкам богатые жилища Новгорода и Киева. Они практически ничем не отличаются от «княжеских» изб. Материалы жилищ Новогрудка дают возможность даже реконструкции интерьера этих «повалуш» и «клетей» [Гуревич, 1964: 98-100]. Возможно, поливные плитки из Пинска были предназначены именно для вымостки пола каких-либо богатых жилищ [Равдина, 1963: 110-112]. К сожалению, на Замковой горе в Пинске, помимо самих плиток не было обнаружено никаких остатков построек, и вопрос о том, для чего предназначались плитки, остается загадкой.

Во многом интерьеры изб сопоставимы с интерьерами «истопок» Летописи, располагавшимися на княжеском дворе. Конечно, убранство княжеских построек было богаче, но строительные конструкции были одинаковые. Основное отличие «истопок» от «гридниц» и «теремов» - наличие печей. Ни в одной богатой монументальной постройке остатков печей не обнаружено. В собственно жилой постройке печь играла крайне важную роль. Это, скорее всего, были круглые глинобитные печи, сменившие к XI веку на всей территории древней Руси печи-каменки и прямоугольные глиняные печи [Раппопорт 1975: 165]. Дым из этих печей выходил из особых труб – «дымолок» [Шамбинаго 1900: 141]. К XII-XIII вв. на Руси появляется тип сложного трехчастного жилища (зарождение которого мы видели в Старой Ладоге): два сруба – клетки, соединенные сенями. Эта планировка делала жилища более гигиеничными, создавая чистые пространства в глубине помещения. Если судить по этнографическим параллелям, то при подобной планировке красный угол должен был переместиться вглубь жилища, бесспорно улучшая этим бытовые условия [Раппопорт 1975: 165]. Расположение печей близ двери создавало также тепловой барьер и тем самым делало жилище более теплым. В богатых жилищах (Новогрудок, Новгород, Рязань) окна были застеклены. Полы в

большинстве случаев были дощатые, хотя иногда и устланы майоликовыми плитками (Любич, Белгород). Конструкция фундаментов деревянных построек представляла собой вертикальные «стулья» -- деревянные, каменные, кирпичные, промежутки между которыми забираются либо бревнами, вдавленными концами в пазы этих стульев, либо закладываются кирпичом или камнем [Засурцев 1963: 12]. В зависимости от регионов преобладал столбовой или срубный тип конструкции стен. Изнутри и снаружи они часто украшались резьбой. Окна и двери соответствовали типу постройки. В интерьере присутствовал хозяйственный инвентарь и некоторая мебель. Хозяйственные сооружения на княжеском дворе представляли собой углубленные в землю постройки с обширным подпольем. Точно локализовать их практически невозможно, но факт их наличия сомнений не вызывает.

Как мы видим, в состав княжеской резиденции входили как каменные, так и деревянные постройки. Как отмечал П.А. Раппопорт «...строительные артели домонгольской Руси возводили главным образом культовые постройки, и лишь изредка – дворцовые здания» [Раппопорт 1994: 106]. Однако, как мы помним, все авторы отмечали идентичность техники кладки и формата кирпича дворцов с теми или иными церквями. Другое дело, что в строительстве резиденции участвовали и местные мастера, работавшие с деревом. Но необходимо помнить, что полный перечень специальностей, работу по которым обеспечивала строительная артель, сейчас еще невозможно установить [Раппопорт 1994: 129]. Заказчиком дворца на княжеском дворе был, разумеется, князь. Иногда резиденции возводили и митрополиты (Киев), и епископы (напр. Ефрем в Переяславле-Хмельницком, Мануил в Смоленске). В этих случаях заказчиком выступала церковь.

Как мы видим, княжеские резиденции в древней Руси были очень разнообразны. Однако, на основе летописных и археологических источников можно выделить три основных типа резиденции:

- «городские» резиденции – чаще всего в детинце самого города (Киев, Смоленск, Чернигов, Полоцк, Гродно и пр.). Они состояли из гридниц, теремов, церквей, разнообразных хозяйственных и жилых построек и самих стен детинца.
- «загородные» резиденции – в ближайшем пригороде города (Боголюбово, Кидекша, Рюриково Городище, Берестово и пр.). Представляли из себя комплекс из разнообразных построек, сильно различавшихся по внешнему виду и составу зданий; объединяются в одну группу чисто функционально.
- «резиденции-замки» (Холм, Луцк, Каменец-Литовск, Любеч и пр.). Являлись одновременно и «градом», и резиденцией. По размеру и составу построек несколько отличались от городских – были более сильно выделены военные функции (стены, башни).

Если говорить о генезисе и хронологии резиденций, необходимо отметить: генетическая преемственность отдельных частей резиденций с постройками крупной боярской усадьбы бесспорна, однако возведение монументальных построек было в основном личной прерогативой князя, и какой-либо преемственности между ранними «гридницами» и «теремами» с более поздними «палатами» и «хоромами» не существует. Каждый князь строил резиденцию исходя из своих вкусов и возможности вести монументальное строительство. Канон в гражданской архитектуре отсутствует.

Из хронологических особенностей можно отметить следующие:

- для раннего (X – начало XI вв.) этапа характерны крупные «гридницы» с «башнями/теремами» (Киев, Белгород). В них Н.Н. Воронин видит «отпечаток патриархальной старины» [Воронин 1961: 240].

- следующий (середина XI – XII вв.) этап характеризуется переходом к трехчленной структуре резиденции по принципу «жилой объем – терем – собор», соединены эти части были переходами (Боголюбово, Галич). На этом этапе появляются и первые замки (Любеч).
- поздний (конец XII – XIII вв.) этап. Возведение резиденций «замкового» и «загородного» типа. Это связано, видимо, с ужесточением феодальных распрей князей, а также с усилением опасности со стороны степи и появлением новой осадной техники [Раппопорт 1952: 222].

Конечно, эта схема во многом условна. В каждом княжестве резиденции возводились по-разному. И поэтому вывести четкую линию развития этой архитектуры невозможно. Можно лишь выделить некоторые общие закономерности и особенности (внутренняя структура, топография, состав построек).

Подводя итог, можно сказать, что княжеская резиденция в домонгольской Руси – это сложная совокупность разнообразных и разнофункциональных построек. Как таковой «гражданской» архитектуры практически не существовало – она почти всегда была органично связана с культовой или военной.

Невозможно также четко выделить монументальную и деревянную архитектуру – в резиденциях они очень часто сочетались, существовали и каменно-деревянные двухэтажные постройки [Раппопорт 1975: 114]. Определяющим в этом случае был не материал, из которого возведена постройка, а функции, которые ей выполнялись. Конечно, для более точного определения роли резиденций в жизни древней Руси необходимы новые архитектурно-археологические исследования, т.к. возможности изучения резиденций на сегодняшний день еще не исчерпаны. Только такие работы могут дать ответы на многие спорные вопросы, связанные с этой категорией памятников.

Итак, рассмотрев вопросы, связанные с княжескими резиденциями, можно сделать следующие выводы:

1. Первые княжеские резиденции появляются только в городах древней Руси X – XIII вв. Они являются важнейшей частью города, часто формируют его детинец и органично вписаны в общую топографию. Никаких резиденций т.н. «племенных» князей VII – IX вв. нам не известно; нет резиденций и в структуре ОТПП/ВТПП.
2. В летописи сохранился ряд описаний и упоминаний различных построек княжеского двора, на основе которых можно выделить следующие типы сооружений в резиденции:
 - *парадные (или светские)*: «терем», «гридница», «сени»
 - *жилые (или гражданские)*: «хоромы», «полати», «ложница», «покоище», «плотница», «повалуша», «клеть», «истопка», «поруб»
 - *хозяйственные*: «медуша», «медьвеница», «бретьяница», «бражница», «скотница», «житница», «погреб», «клеть», «изтобка»*
 - *военно-оборонительные*: «вежи», «столпы», «башни», «донжоны», «стены»
 - *культовые (или церковные)*: «божница», «собор», «храм», «церковь»

* «клеть» и «изтобка» – полифункциональные постройки, могли быть как жилыми, так и хозяйственными.

3. Не существует корреляции между летописными и т.н. «кабинетными» терминами. Необходимо специальная филологическая работа, которая помогла бы более точно соотнести и сопоставить эти понятия.
4. Древнерусское жилище, крупная боярская усадьба и дворцовый комплекс имеют ряд генетически наследуемых помещений с определенными функциями; но в княжеской резиденции существовали монументальные постройки, свойственные только им.
5. Появление монументального дворцового комплекса является своего рода индикатором уровня могущества княжества, связанного чаще всего с определенным князем.
6. В топографическом расположении дворцов в детинце древнерусского города прослеживаются определенные закономерности; но есть и особенности, свойственные каждой резиденции (т.н. отсутствие канона).
7. Некоторые части дворцовых комплексов, их интерьер и экстерьер, а также внутреннюю структуру можно восстановить на основе летописных известий, а также аналогий и косвенных данных (иллюстрации, былины).
8. Заказчиком дворца почти всегда являлся князь, так как упоминается чаще всего именно княжеский двор, и лишь изредка – церковь (Киев, Переяславль-Хмельницкий, Смоленск).
9. Для дворцовых зданий характерны некоторые строительные особенности, позволяющие выделить их среди других построек. Однако не существовало четкого разделения между монументальной и деревянной гражданской архитектурой – определяющими являлись функции, а не материал. В то же время гражданская архитектура была тесно связана с церковной и военной.
10. В строительстве резиденции участвовала строительная артель, а также ряд местных мастеров, работавших с деревом в местных домостроительных традициях. Возведение монументальных зданий целиком зависело о возможности князя вести каменное строительство.
11. Можно выделить три основных типа резиденций, характерных для домонгольской Руси:
 - «городские» резиденции – чаще всего в детинце города
 - «загородные» резиденции – в ближайшей округе города
 - «резиденции-замки» – города/грады – резиденции
12. Выделяются три главных этапа в развитии резиденций:
 - ранний – X - середина XI вв.
 - средний – середина XI - XII вв.
 - поздний - конец XII - XIII вв.
13. Для решения вопросов, связанных со структурой и характером резиденций, необходимы новые архитектурно-археологические исследования.

КАТАЛОГ № 1. Дворцовые комплексы по археологическим источникам

1. Киев. Здание на территории древнего городища (т.н. «терем княгини Ольги»). Раскопки 1907-1908 гг. В.В.Хвойки и 1971-1972 гг. В.Г.Гончарова . Находится к северо-западу от Десятинной церкви.

Стена: длина 18 м, ширина 1,5 м. Сложена из валунов, на глине. Найдены обломки кирпича, керамические черепицы, шиферные плиты.

Высота стены (*глубина фундамента*) до 1 м. Найдены обломки штукатурки с фресковой росписью, резные шиферные архитектурные детали, поливные плитки, куски мрамора, железные костыли, горелое дерево.

По интерпретации киевских исследователей – В.К.Гончарова, П.П.Толочко, Н.В.Холостенко – середина X в., «терем Ольги». Интерпретация эта очень спорна (Н.Н.Воронин, П.А.Раппопорт).

*Литература*⁴ 3 ;55;56;109;112

2. Киев. Здание к северо-востоку от Десятинной церкви. Работы 1907-1908 гг. В.В.Хвойко . Руины расположены в 30м к северо-востоку от Десятинной церкви. В 1936,1939 и 1966 гг. Обследования были проведены Киевской экспедицией П.П.Толочко. Раскопками вскрыта западная стена длиной 21 м. От нее отходили три поперечные стены длиной ≈ 10 м (рис. 23).

Стены: из кирпичей с прослойками камня. Кирпичная кладка со скрываемым рядом на растворе с цемянкой (рис. 46).

Фундамент: сложен из крупных камней, на раствор с цемянкой. Глубина 45-48 см. Под фундаментом – остатки деревянных субструкций (рис. 44).

Найдены фрагменты архитектурных деталей, мозаичная смальта, круглые оконные стекла, горелое дерево.

Дата: X век (по П.А.Раппопорту)

Литература:3;55;56;109;112

3. Киев. Здание к юго-западу от Десятинной церкви. Работы 1914 г. С.П.Вельмина . В 65 м к юго-западу от Десятинной церкви – остатки древнего здания. Сохранились фундаменты и фундаментные рвы. Длинное узкое здание, ширина 11, 5 м. Длина вскрытой площади 35 м. На наружных сторонах – через 7,5 – 8,5 м – лопатки.

Стены: кирпичная кладка со скрываемым рядом на растворе с цемянкой (рис. 45).

⁴ Указываются номера монографий и статей в соответствии со списком литературы, приложенным к дипломной работе

Фундамент: из крупных камней на растворе с цемянкой. Под ним – остатки деревянных субструкций. Найдено значительное количество обломков светло-желтых кирпичей, близких по формату к кирпичам Десятинной церкви.

Дата: конец X в. (по П.А.Раппопорту)

Литература:3;55;56;109;112

4. Киев. Здание к юго-востоку от Десятинной церкви. Работы 1911 г. Д.В.Милеева и 1914 г. С.П.Вельмина .

Раскопками вскрыты фундаментные рвы . Здание прямоугольное, длина 44 м, высота 11, 5 м. Внутри перегороджено поперечными стенками, боковые помещения – квадратные, центральное – прямоугольное

Фундаментные рвы: длина 0,6 м, глубина 1,7 м. На дне – отпечатки деревянных брусьев.

Фундамент: частично обнаружены фрагменты из красного кварцита на растворе с цемянкой.

При раскопках найдены кубики с мозаично смальтой и куски штукатурки с фресковой росписью.

Дата: конец X – начало XI вв. (по П.А.Раппопорту)

Литература:3;55;56;109;112

5. Киев. Постройка на территории Софийского заповедника (Митрополичья усадьба).

Работы 1946 г. М.К.Каргера. Здание находится в 30 м к северо-западу от Софийского собора, состоит из 3 камер . Уцелели нижние части стен, сложенные из бутового камня на растворе с цемянкой. На западной и восточной стенах камеры прослеживаются лопатки.

Пол вымощен кирпичами.

С севера и юга примыкают еще 2 камеры: 2,6х2,6 м и 1,0х0,8 м. На полу лежал мощный слой золы и угля. На всей площади средней камеры лежал слой развала верхних частей сооружения – кирпичи с остатками раствора с цемянкой. Восточная камера, видимо, являлась печью. Постройка, вероятно, являлась баней (В.А.Богусевич), входившей в состав комплекса построек митрополичьей усадьбы.

Дата: конец XI – начало XII вв. (по М.К.Каргеру)

Литература:3;55;59;112

6. Киев. Здание на Иринской улице.

Работы 1913-1914 гг. С.П.Вельмина . Обнаружены руины гражданской постройки вблизи церкви св. Ирины. Раскопана частично. Сохранились фундаментные рвы с остатками деревянных лежней на дне. Ширина здания 11 м, длина 13-14 м. На длинных сторонах здания прослеживаются следы лопаток.

Дата: XI в. (по П.А.Раппопорту).

*Литература:*3;55;59;112

7. Белгород. В 1909-1910 гг. В.В.Хвойко раскопал в Белгороде остатки деревянных сооружений с богатой отделкой (поливные плитки и пр.), по планировке крайне близкие Киевским дворцам. К сожалению, крайне плохо фиксировавшиеся раскопки практически не позволяют нам реконструировать план этого дворца, однако, особый статус Белгорода, наличие в нем княжеского двора [Лав. Летопись, 1096 г.], а следовательно – и дворцового комплекса, не вызывает сомнения. Более точно реконструировать его план и облик могут лишь новые исследования.

*Литература:*55;86;109;136

8. Переяславль-Хмельницкий. Баня (?).

Работы 1962-1963 гг. Р.Г.Юра (рис. 18, 29). Сохранились фундаменты и частично кладка стен. Состоит из двух прямоугольных помещений . Общий размер – 18,2х11 м. Западная камера – 8,1х8,4 м. В середине – дверной проем, высотой 2 м. Снаружи – 2 пилона длиной 3,7 . Толщина северной стены – 1,2 м. Толщина западной стены – 0,45-0,55 м .

Фундаменты: из необработанных камней с нерегулярными прослойками кирпичей на растворе с цемянкой, глубина 1,5 м.

Располагается в южной части детинца .

При раскопках обнаружены фрагменты голосников, 2 свинцовых листа от кровли и много предметов декоративного убранства .

Дата: конец XI в. (по П.А.Раппопорту).

Являлось, видимо, баней (?), отмеченной в ПВЛ под 1089 г.

*Литература:*6;109

9. Выдубицы, близ Киева (мыс Чайка).

Работы 1971-1972 гг. Киевской экспедиции. Найдено большое скопление плинфы (толщиной 3-4 см), фрагменты цемянного раствора, фрески. Остатков фундаментных рвов обнаружить не удалось.

Соотносится с дворцовым ансамблем Всеволода Ярославича. Видимо, включал в свой состав и деревянные постройки, т.к. в 1096 г. был сожжен половецкими ордами хана Боняка.

Дата: вторая половина XI в. (по П.П.Толочко)

*Литература:*3;5;54;109

10. Чернигов. Терем.

Работы 1950-1951 гг. В.А.Богусевич и Н.В.Холостенко. Между Спасским и Борисоглебским соборами обнаружены остатки деревянной постройки (рис. 33). Стены сохранились на высоту до 60 см. Раскрыта квадратная постройка со стороны 7,5 м, толщина стен 1,4 м. На углах – плоские лопатки.

Стены сложены из кирпичей в равнослойной технике. Размер кирпичей: 2,3-3 X 27-28 X 35-39 см. Раствор розовый с цемянкой.

Фундамент: сложен из крупных колотых камней с использованием обломков кирпичей и мелких камней. Высота 1,1 м. Под фундаментом обнаружены отверстия от деревянных лежней (18 X 22 см).

При раскопках обнаружены фрагменты фресковой росписи, куски сплавившегося свинца, поливные керамические плитки, обломки кирпичного аркатурного пояса. Соотносится с княжеским теремом Давида Святославича.

Дата: вторая половина XI-XII вв. (по В.А.Богусевич, Н.В.Холостенко)

Литература:16;17;109;112

11. Боголюбово. Дворцовый ансамбль.

Работы 1934-1938 гг. Н.Н.Воронина. Ансамбль состоял из собора, переходов, направленных к югу (крепостные стены) и к северу – к лестничной башне и в сторону дворца. Само здание дворца уничтожено более поздним сооружением (келья монастыря).

Переход – небольшое прямоугольное помещение (к северу с хор собора на второй этаж лестничной башни).

Переход во дворец пытались реконструировать в начале XX в. (рис. 13), в 1934_38 гг. Были вскрыты его остатки. Он прорезан поперек узкими пешеходными проемами. В пилоне основания перехода существовало небольшое помещение со входом с восточной стороны. От здания самого дворца сохранилось несколько тесаных камней с прилипшим известняковым раствором, обломок стеной полуколонки (диаметром 0,25 м), фрагменты колонок архитектурно-колончатого пояса.

Площадь перед собором была вымощена каменными плитами, для отвода воды были уложены желоба-водостоки (рис. 51).

Здание, видимо, было построено мастерами из империи Фридриха Барбароссы но русскими строителями со своими архитектурными традициями. Более полно реконструировать здание дворцового комплекса позволяет летописный рассказ 1174 г. .

Топографически Боголюбово – «классический» замок западно-европейского типа. Связывается с деятельностью Андрея Боголюбского.

Дата: 1158-1165 гг (по Н.Н.Воронину)

Литература:28;29;109

12. Ростов Великий, церковь Бориса и Глеба.

В 1214 г. князь Константин Всеволодович «заложи церковь каменну на дворе своем, в Ростове, святого мученику Бориса и Глеба». В ходе работ ААЭ ГЭ в 1993-95 гг. неподалеку от нынешней церкви Бориса и Глеба были обнаружены закомары постройки, являвшейся (по О.М.Иоаннисяну) княжеским дворцом Константина Всеволодовича. Построен он был, видимо, в начале XIII в. и включал в свой состав и деревянные, и каменные постройки. Топографическое расположение данного комплекса подтверждает это мнение. Обнаружить фундаментные рвы не удалось из-за плохой сохранности КС, т.к. в XVI-XVIII вв. на данной территории функционировало кладбище.

Литература:28;53

13. Смоленск. Терем.

Работы 1965-1966 гг. Н.Н.Воронина, П.А.Раппопорта, Н.Б.Черных.

Раскопками вскрыта северо-западная стена (длина 7,8 м) и частично – юго-западная. Уцелевшая кладка достигает высоты до 1,5 м. Толщина стен – 0,77 м.

Кладка стен из кирпичей 4,2-4,9 X 20,5-21,5 X 30-31 см.

Раствор неоднородный, непрочный, почти белый с мелкой кирпичной крошкой, равномерно распределенной в составе раствора.

Фундамент: состоит из 1-2 рядов булыжников на известковом растворе. Ширина – 0,8м; глубина 0,2-0,3 м. В северо-западном углу здания расположен дверной проем.

Здание расположено в составе построек: бесстолпная капелла – терем – собор Мономаха, на возвышенной части детинца. Соотносится с теремом князя Ростислава (Н.Н.Воронин и П.А.Раппопорт) или с епископом Мануилом (Л.В.Алескеев).

Дата: середина XII в. (по П.А.Раппопорту)

Литература:1;30;31;109

14. Полоцк. Терем.

Работы 1976-1977 гг. П.А.Раппопорта.

Раскопаны остатки гражданской постройки, на северной части Полоцкого детинца, у склона к р. Полосте. Постройка квадратная в плане (рис. 21). Наружный размер 4,7 X 4,2 м. С запада примыкало меньшее помещение – 2,5 X 2,4 м. Здание имело подвал, пол которого лежал на глубине 1,5 м о уровня древней поверхности. С севера – в XIV в. было пристроено деревянное помещение (рис. 21).

Стены сложены из кирпичей на известковом расворе с небольшой примесью цемянки. Сложены из кирпича размером 3,5 X 16 X 26,5-30 см. Исполнена в технике со скрытым рядом. Сами стены очень тонкие – 0,65-0,7 м.

Фундамент: сложен из булыжников на известковом растворе без цемьянки. Глубина 1,8 м. Соотносится с теремом княжеского дворца.

Дата: вторая половина XII в.

Литература:27;109;113

15. Гродно. Терем.

Работы 1932 г. И.Иодковского и 1980-1981 гг. П.А. Раппопорта.

От постройки сохранилась лишь северная часть, т.к. с юга стены были уничтожены при возведении замка Батория. Северная стена уцелела на всю длину (9,72 м) и на высоту до 2 м. В середине северной стены располагался дверной проем шириной 1,63 м. Состоит здание из двух частей.

Стены сложены из кирпичей в равнослойной технике. Размеры кирпича: 4-5 X 18-20 X 29,5-31 см. Раствор – с небольшим количеством цемьянки. Толщина стен: западная и северная – 1,12-1,17 м; восточная – 0,6 м; промежуточная – 0,74 м.

Фундамент: 1 ряд валунов, под которым лежит слой битого кирпича и кусочков извести. Глубина – 0,35 м. Найдены поливные плитки (в том числе фигурные), слитки олова, черепица от кровли, предметы быта XII в. Располагается здание на южной части Замковой горы, неподалеку от Нижней церкви (рис. 34). Является теремом княжеского дворца.

Дата: вторая половина XII в. (по П.А.Раппопорту)

Литература:109;112;149

16. Холм (совр. Польский Холм). Замок (дворец?).

Работы 1910-1912 гг. П.П.Покрышкина и 1966-1968 гг. Я.Гурба и И.Кутиловска.

Была обнаружена стена, возведенная из известняковых камней на растворе. Она ограничивает прямоугольное в плане пространство. Общий размер постройки – 38 X 22 м. Толщина стены ≈ 2 м. Обнаружены остатки других сооружений, архитектурные формы которых установить не удалось.

Видимо, это сооружение – дворцовый комплекс замкового типа. Обнаружено много фрагментов архитектурных деталей.

Дата: основные сооружения – 30-е годы XIII в. (по П.А.Раппопорту). После пожара 1259 г. часть сооружений, возможно, была восстановлена.

Литература 97;109;152

17. Звенигород. Дворец (?).

Работы 1971-1972 гг. А.А.Ратича.

В 14 м к северо-востоку от церкви были раскрыты остатки дворцового комплекса (рис. 10). От постройки сохранились лишь контуры фундаментальных рвов и развалы камней. В связи с этим план и реконструкция этого комплекса весьма гипотетичны. Расположен «дворец» на городище, в северо-восточной части. Длина постройки – 24,5 м; ширина прямоугольной части – 13,6 м; вместе с северным помещением – 20,3 м.

Дата: датируется широко—XII в. (по А.А.Ратичу). Более вероятная дата – до 1144 г. (по О.М.Иоаннисяну).

Литература:48;109;114;141

18. Перемышль (совр. Польский Пшемьсл). Дворец.

Работы 1958-1960 гг. А.Жаки.

Раскопаны остатки гражданской постройки – дворца – и примыкавшей к ней ротонды. Длина дворца – 34,2 м; ширина –15,2 м; толщина стен – 2,04-2,07 м.

Данный комплекс датируется X в. (О.М.Иоаннисян), и не имеет отношения к собственно древнерусской архитектуре. Включение его в данный «Каталог» продиктовано в первую очередь историографическими традициями. Данный комплекс относится к польскому кругу архитектуры, и имеет там аналогии (Геч, Вислица, Краков, Остров-Ледницки). Такие дворцы не характерны для древней Руси, хотя его использование после вхождения Перемышля в состав русского княжества вполне возможно.

Дата: X в. (по О.М.Иоаннисяну)

Литература:48;50;109

19. Любеч.

В г. Любеч в ходе работ экспедиции Б.А.Рыбакова 1957-1960 гг. был открыт «классический» замок. Главным сооружением замка был дворцовый комплекс длиной ≈ 40 м; шириной 9-13 м; прямоугольник дворца, входившего в линию южной стены, был разделен на 3 секции; средняя (9 X 13 м) находилась на большом количестве срубов первого этажа; на втором этаже, очевидно, был главный зал, украшенный рогами и поливными плитками. Главное крыльцо примыкало к западной секции; заднее – к восточной. Средняя часть дворца находилась на третьем этаже. Дворец имел 3 или 4 башни. В северной части были сени, обращенные во двор. Основан Владимиром Мономахом в 1078-1094 гг. Отмечен «Летописью» в 882, 1016, 1097, 1147, 1180 гг. Сожжен Ольговичами, смоленскими князьями в XII в.

Литература 118КАТАЛОГ № 2

Дворцовые комплексы, реконструированные на основе летописных известий и косвенных данных

1. Берестово, в Киеве.

По ПВЛ известно, что в Берестове находился «княжеский двор», возведенный при Владимире Святославовиче, где он «...держал 300 наложниц». Видимо, дворец в Берестове был дере-

вянным, хотя не исключено, что в его состав входили и отдельные каменные постройки [Лавр. летопись, 1051 г.]. В 1096 г. княж двор на Берестове был сожжен половецким ханом Ботьяком. В 1113 г. был восстановлен, и именно там состоялось совещание, на котором был разработан «Устав Владимира Мономаха». Исследования, проведенные Киевской экспедицией в 1974-76 гг. не обнаружили никаких следов дворца, однако сам факт его существования сомнения не вызывает. Это подтверждает и возведение в 1113-1125 гг. (по М.К.Каргеру) дворцовой церкви Спаса.

Литература:2;3;55;56;109;129

2. Чернигов.

В ходе работ 1950-1951 гг. Н.В.Холостенко, помимо терема, упоминавшегося в «Каталоге № 1», были открыты остатки сооружения под полом Борисоглебского собора, интерпретированные как «двухкамерный терем». Однако ряд исследователей (П.А.Раппопорт, В.А.Богусевич, В.П.Коваленко) рассматривают ее как остатки небольшого храма, возведенного до Борисоглебского собора. Окончательное разрешение этой дискуссии – пока в будущем. На мой взгляд, однозначно решать этот вопрос пока нельзя. Т.о. возможность наличия в Чернигове двух теремов не исключена.

Литература16;17;109;137

3. Старая Рязань.

В 1986-89 гг. в ходе исследований в Рязани В.П.Даркевич и В.П.Богусевич обнаружили остатки сооружения, интерпретированного как «терем» (рис. 8). Т.к. постройка прослежена всего по двум котловинам, эта реконструкция весьма гипотетична. Возможно, дворцовый комплекс существовал и в Рязани, но пока реконструировать его внешний и внутренний облик, а также состав и структуру этого здания не представляется возможным.

Литература:38

4. Владимир-Волынский.

В Успенском соборе, возведенном в 1156-1160 гг. Мстиславом Изяславичем, не было лестницы на подъемы на хоры; попасть туда можно было лишь через дверь во втором ярусе наружной стены. На основании этого П.А.Раппопорт предположил, что собор был непосредственно связан переходом с княжеским дворцом. Собственно археологические источники для реконструкции этой постройки отсутствуют.

Литература:109;111

5. Изяславль

В 1958-65 гг. экспедицией М.К.Каргера исследовалось городище у с. Городище Шепетовского района Хмельницкой области. К сожалению, крайне невысокий методический уровень раскопок (т.н.»перекидная траншея») не позволил зафиксировать каких-либо построек. Однако анализ материального комплекса данного памятника (работы А.А.Песковой) позволяет предположить в нем наличие классического «феодалского замка», аналогичного Любечскому.

Литература:83;111

6. *Пронск*

По сведениям Н.П.Милонова, при раскопках в Пронске в конструкции печей богатых жилищ XII-XIII вв. были обнаружены древние кирпичи-плинфы. Однако точно сказать от чего они – от церкви или дворца – пока практически невозможно.

Литература:73;109

7. *Владимир, Дмитриевский собор*

В Лавр. летописи под 1197 г. говорится: «... созда церковь прекрасну на дворе своем (подчеркнуто мною – И.П.) святого Дмитрия». Т.о. Дмитриевский собор являлся дворцовой церковью, что не вызывает сомнений у всех исследователей. В ходе работ 1945 г. Н.Н.Воронина к северу от собора были найдены белокаменные обломки и известь, а к югу – обломки древних кирпичей и поливные плитки. По мнению П.А.Раппопорта, это и есть «строительные материалы, которые происходят от зданий, входивших в комплекс княжеского дворца». Т.о. наличие дворца не подвергается сомнению, но более точная его локализация – дело будущих исследований. Пока что-либо конкретное о его облике и плане сказать нельзя.

Литература:28;29;109

8. *Кидекша, под Суздалью*

В 4 км от Суздаля, в с. Кидекша, согласно преданию, записанному в XVIII в., находился загородный двор суздальских князей. Известно, что Кидекша являлась городком князя Юрия и сына его Бориса; городок был защищен дерево-земляными укреплениями. При раскопках 1851 г. А.С.Уваров близ дворцовой ц. Бориса и Глеба обнаружил «обломки колонн и балок древнейшего византийского стиля», а при разведке А.Д.Варганова найдены плинфы толщиной 3,5 см. В 1995 г. разведки ААЭГЭ подтвердили наличие древней плинфы в довольно большом количестве (сведения О.М.Иоаннисяна). Более точная локализация княжеского дворца возможна лишь в ходе дальнейших архитектурно-археологических исследований.

Литература:28;29;109

9. *Ярославль, Успенский собор*

Лавр. летопись указывает на то, что в начале XIII в. на Стрелке г. Ярославля находился княжеский дворец, при котором в 1215 г. была выстроена церковь Константином Всеволодовичем [Лавр. летопись, 1215 г.]. Точно установить место княжеского дворца не представляется пока возможным, но Успенский собор XIII в., по Н.Н.Воронину, находился невдалеке от собора XVII в., и, видимо, усадьба князя находилась неподалеку. Более точная локализация на сегодняшний день невозможна.

Литература:28;29;41

10. *Переяславль-Залесский, Преображенский собор*

Недалеко от Преображенского собора, заложенного в 1152 г., находился терем. Об этом говорит дверь, заложенная при реставрации 1890 г., которая через переходы соединяла собор с дворцовым комплексом. В ходе работ 1939 г. Н.Н.Воронин обнаружил к северу от собора горелые бревна и плахи пола деревянной постройки с керамикой XII-XIII вв. По предположению исследователя, это и есть остатки «хоромного ансамбля». Вопрос о каменных сооружениях в его составе крайне сложен, и на сегодняшней источниковедческой базе неразрешим.

Литература:28;29;109

11. *Дмитров.*

При раскопках, проведенных в 1933 г. в г. Дмитрове, были найдены фрагменты древних кирпичей. Не исключено, что они происходят от какой-то постройки дворцового типа, но конкретно о ней сейчас сказать ничего нельзя.

Литература:73;109

12. *Вщиж*

В ходе работ в г. Вщиж в 1948-49 гг. Б.А.Рыбаков обнаружил остатки большого дома, видимо, двухэтажного. В нем были найдены треугольные и прямоугольные кирпичи, медные листы и печь, сделанная из глины с включением плинфы. Не исключено, что это сооружение представляло из себя «терем», подобный рязанскому, и входивший в состав княжеского двора.

Литература107;116

13. *Новгород, Никольский собор*

В 1113 г. «на княже дворе заложи бысть цркы Новгороде святого Николы». А 1948 г. А.В.Арциховский на Дворище раскрыл сооружение трех больших деревянных срубов, названные им «дворцом Ярослава Мудрого». В дальнейшем исследователь не повторял этой интерпретации. В настоящее время вопрос о княжеском дворе в Новгороде рассматривался В.Ф.Андреевым. Основываясь на топографии древнего Новгорода (рис. 37), исследователь локализует дворец на возвышенном месте в районе современных пр. Ленина и ул. Суворовской. Дополнительным подтверждением наличия в Новгороде сложного дворцового комплекса служит находка XI в. – деревянная модель терема с уступами (рис. 6). Более конкретные данные можно получить в ходе дальнейшего исследования древнего Новгорода.

Литература:2;4;81;147;148

14. *Рюриково Городище под Новгородом*

В ходе многолетних исследований Е.Н.Носова установлено, что именно Городище являлось Holmgardom скандинавских саг, а впоследствии играло важную роль княжеской резиденции. Именно здесь находился княжеский дворец, но из-за крайне плохой сохранности этого памятника локализовать его практически невозможно. Однако сам факт его наличия, как и в случае с Берестово и Кидекшей, сомнения не вызывает.

Литература:78;80;147

15. Старая Ладога, крепость

В ходе работ А.Н.Кирпичникова выявлено, что именно в Ладоге уже в X-XI вв. существовала каменная крепость. Вполне вероятно, что в ее составе функционировали здания, совмещавшие, как и Волыньские башни, жилые и военные функции. По этим признакам можно вполне отнести сооружения в Старой Ладоге к дворцовым комплексам замкового типа. Хотя вполне вероятно, что первые «дворцы», еще из дерева, существовали в Старой Ладоге в IX в. (сообщение Е.А.Рябикина), хотя функции их были, безусловно, несколько иные.

Литература:68;111

16. Псков, Довмонтов город

В ходе работ В.Д.Белецкого в Довмонтовом городе были открыты две гражданские постройки (рис. 38), соотносимые исследователями с остатками палат князя Довмонта. Датируются они, по мнению исследователя, XII-XIII вв. Эта датировка, однако, вызывает сомнения, и до более подробной публикации материалов этих раскопок следует относиться к ней с большой осторожностью. Тем не менее факт открытия этих зданий крайне любопытен, но для включения их в «Каталог № 1», на мой взгляд пока мало данных.

Литература:11;12

17. Смоленск, ц. Петра и Павла (ц. Михаила Архангела)

Помимо терема, исследованного П.А.Раппопортом и Е.В.Шолоховой известно, что после переезда в 1145 г. в загородную резиденцию князь Ростислав жил, видимо, во дворце, сообщавшемся переходами с ц. Петра и Павла. Это подтверждается и дворцовым характером этой церкви. Л.В.Алексеев допускает, что «... церковь Петра и Павла сообщалась с двухэтажным княжеским дворцом». К сожалению, как и в случае с Боголюбово, на месте возможного дворца сейчас находится современное здание, и поэтому сказать что-либо конкретное об этом дворце практически невозможно. Аналогичная ситуация – с церковью Михаила Архангела, у которой существовал двор князя Давида (до 1197 г.).

Литература1;31;133

18. Луцк

В ходе работ в 1978 г. М.М.Говдиенко и М.М.Кучинко были обнаружены остатки древней башни, прямоугольной в плане, с помещением площадью 2,7 X 3,2 м и стенами толщиной 3-3,5 м. Не исключено, что эта башня совмещала боевые и жилые функции, и относилась т.о. к «дворцовым сооружениям замкового типа». Однако ее дата – ≈ середина XIII в., вызывает некоторые сомнения (П.А.Раппопорт). В конце XIII – начале XIV вв. над башней был построен кирпичный замок, и поэтому выяснить планировку более древнего комплекса практически невозможно.

Литература:34;109

19. Галич

Под 1152 г. при приеме Киевского посла описывается дворцовый комплекс в Галиче. Подробное его рассмотрение и реконструкция приведены О.М.Иоаннисяном. Наиболее вероятна локализация этого комплекса у ц. Спаса, хотя на сегодняшний день существуют и другие гипотезы (подробнее см. гл. 2). Структура этого дворцового комплекса сходна с Боголюбовским. Возможно, действительно существовала некая традиция, в рамках которой строились дворцы в древней Руси, но определить ее крайне сложно.

Литература:48;50;109

20. Львов

Раскопками 1975 г. на мысу Замковой горы вскрыты остатки угловой башни и примыкавшей к ней стены. Помимо этого, в Львовском музее хранятся два фуста белокаменных колонн, обнаруженных на Замковой горе. П.А.Раппопорт не исключал возможности, что на территории детинца древнего Львова находились церковь или дворец. Более конкретных данных по этому вопросу пока нет.

Литература:8;9;109

21. *Столпъенская башня*

Башня в Столпье (рис. 40, 60), как и другие Волынские башни, относится к сооружениям, совмещающим жилые и военные функции, т.е. – «дворцовые комплексы замкового типа». После работ П.А.Раппопорта датировкой этих башен признается вторая половина XIII – начало XIV вв. Это совершенно особый тип сооружений, входящих, видимо, в отдельную группу.

Литература:96;111

22. *Каменецкая башня*

Башня в Каменец-Литовске (рис. 41, 59) отличается тем, что по документу 1742 г. рядом с ней находился дворец Владимира Васильковича. Может быть именно поэтому эта башня имеет больше элементов декоративного убранства (по П.А.Раппопорту!).

Литература:96;111

23. *Башня в Белавине*

В Летописи соотносится со «столпом» (при описании Холма). П.А.Раппопорт высказывался против такого отождествления. Датировка этой башни (рис. 39) тоже крайне затруднительна.

Помимо этих трех башен, П.А.Раппопорт писал о «бесспорной локализации по Летописи еще пяти – в селе Спаса, Берестье, Холме, Гродно и Чарторыйске». Кроме этих башен, исследователь допускал существование еще в Люблине, Дрогобыче, Чернееве, Угруске. Все эти башни расположены на территории Волыни и представляют определенный круг архитектуры. Отнесение их к «дворцовым комплексам» довольно условно, хотя ряд функций этих башен явно совпадал с функциями дворцов.

Литература:96;111

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Л.В., 1980. Смоленская земля в IX-XIII вв. М. 234 с
2. Андреев В.Ф., 1984. Княжеский двор в древнем Новгороде // НИС, № 2 (12).Л с 114-132
3. Армашевский А.Л., Антонович В.Б., 1897. Изыскания о древнем Киеве. Киев 112 с
4. Арциховский А.В., 1956. Новгородская экспедиция // КСИИМК, вып. XXVII, М с 15-16
5. Асеев Ю.С., 1965 Древний Киев, М. с 208 с
6. Асеев Ю.С., Сикорский М.И., Юра Р.А., 1967. Памятник гражданского зодчества в Переяславле Хмельницком // СА, № 1 с 199-214
7. Аулих В.В., 1980. Историческая топография древнего Галича // Славянские древности. Киев с 86-113
8. Багрий Р.С., Могитич, И.Р., Свешников И.К., 1977. Работы древнерусского отряда Львовской экспедиции // АО, 1976 г., М. с 61-63
9. Багрий Р.С., Могитич И.Р., Ратич А.А., Свешников И.К., 1976. Раскопки во Львове // АО. 1975 г., М с 54-55
10. Белецкий В.Д., 1970. Археологические данные к датировке крепостных стен Довмонтова города // АСГЭ, № 12, Л с 61-63.
11. Белецкий В.Д., 1991. Древний Псков. Л 102 с
12. Белецкий В.Д., 1996. Каменная гражданская постройка IV из Довмонтова города в Пскове // Проблемы изучения древнерусского зодчества, СПб с 130-138
13. Белецкий С.В., 1996. Начало Пскова. СПб 92 с
14. Берлинский М.Ф., 1820. Краткое описание Киева. СПб 85 с
15. Богусевич В.А., 1961. Спорда у двері київського митрополита // Археологія, т. 13, Киев с 112-115
16. Богусевич В.А., 1949. Археологические раскопки древнего Чернигова // Архив Ин-та археологии УССР. Киев, д. 1949/2 36 с.
17. Богусевич В.А., Холостенко Н.В., 1952. Черниговские каменные дворцы XI-XII вв. // КСИАУ, вып. 1 с 88-102
18. Большаков О.Г., Якобсон В.А., 1983. Об определении понятия «город» // История и культура народов Восточной Европы. Л с 32-45
19. Борисевич Г.В., 1982. Хоромное зодчество Новгорода // Новгородский сборник, М с 269-294
20. Боровский Я.Е., Толочко П.П., 1979. Київська ротонда. // Археологія Києви. Дослідження і матеріали. Київ с 18-26.
21. Булкин В.А., Раппопорт П.А., Штендер Г.М., 1977. Раскопки памятников архитектуры в Полоцке // АО, 1976. М. с 52-54
22. Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С., 1978. Археологические памятники древней Руси IX-XI вв. Л. 150 с
23. Булкин В.А. Лебедев Г.С., 1974. Гнездово и Бирка (к проблеме становления города) // Культура средневековой Руси. Л с 11-17.
24. Вагнер Г.К., 1966. Скульптура Древней Руси. М 328 с
25. Воронин Н.Н., 1946 Боголюбовский ниворий. // КСИИМК, вып. XIII. М с 123-135
26. Воронин Н.Н., 1951. Жилище // ИКДР, т.I. М с 69-115
27. Воронин Н.Н., 1954. Древнее Гродно. МИА, № 41 с 64-88
28. Воронин Н.Н., 1958. Зодчество северо-восточной Руси. Т. I, М 528 с
29. Воронин Н.Н., 1961. Зодчество северо-восточной Руси. Т. II, М 534 с
30. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1967. Смоленский детинец и его памятники // СА, № 3 с 287-302
31. Воронин Н.Н., Раппопорт П.А., 1979. Зодчество Смоленска. Л 412 с

32. Гайдуков П.Г., 1992. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М 108 с
33. Гаркави А.Я., 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII в. до конца X в. Р.Х.), СПб 95 с
34. Говдиенко М.М., Кучинко М.М., 1979. Архитектурно-археологические исследования в Луцком замке // АО, 1978 г. М с 61-63
35. Греков Б.Д., 1949. Киевская Русь. М 510 с
36. Гроздилов Г.П., 1950. Раскопки в Старой Ладогге. // СА, XIV. М с 34-52
37. Гуревич Ф.Д., 1964. Дом боярина XII в. в древнерусском Новогрудке. // КСИА, № 99, М с 67-52
38. Даркевич В.П., Богусевич В.П., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М 328 с
39. Древняя Русь. Город, замок, село. М, 1985 462 с
40. Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997 487 с
41. Дубов И.В., Иоаннисян О.М., 1980. К топографии древнего Ярославля // КСИА, № 160, М с 56-68
42. Забелин И.Е., 1990. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. Кн. 1. Государев двор или дворец М 312 с
43. Засурцев П.И., 1967. Каменные гражданские постройки XV в. в Новгороде. // Новое в археологии. Сб. Статей, посв. 70-летию А.В.Арциховского. М с 134-158
44. Засурцев П.И., Чистяков Г.П., Борисевич Г.В., Тюрин В.П., 1961. Архитектурная реконструкция новгородской усадьбы середины XIII в. // НИС, № 10 с 21-41.
45. Ильинский Г., 1909. Заимствовано ли название «терема» в славянских языках? // Харьковское историко-филологическое общество, т. XVIII, Харьков с 24-30
46. Иностранцев К.А., 1915. О «тереме» в древнерусском и мусульманском зодчестве // ЗОРСА, т. IX с 28-36
47. Иоаннисян О.М., 1980. Раскопки древнерусской ротонды-квадфолия в окрестностях Галича // АО, 1979 г. М с 81-83
48. Иоаннисян О.М., 1981а. О раннем этапе развития галичского зодчества. // КСИА, № 164 с 35-42
49. Иоаннисян О.М., 1981б. К вопросу об интерпретации перемышльских ротонд. // Архитектурные проблемы археологических исследований в Украинской ССР. Киев с 46-52
50. Иоаннисян О.М., 1982. Галицкое зодчество XII – первой половины XIII вв. Дисс. ...кандидата исторических наук. Л 343 с
51. Иоаннисян О.М., 1986. Церковь Спаса в Галиче – памятник первой половины XII в. // Древние памятники территории СССР. Л с 101-109
52. Иоаннисян О.М., 1994. Храмы-ротонды в Древней Руси. // Иерусалим в русской культуре. М с 100-148
53. Иоаннисян О.М., Зыков П.Л., Леонтьев Е.А., Торшин Е.Н., 1994. Архитектурно-археологические исследования памятников древнерусского зодчества в Ростове Великом // Сообщение Ростовского музея, вып. IV, Ростов с 180-198
54. Каргер М.К., 1955. Княжеские дворцы Древнего Киева. Ученые записки ЛГУ, 193. Серия исторических наук, 22. Л с 103-135
55. Каргер М.К., 1959. Древний Киев, т. 1. М.-Л 524 с
56. Каргер М.К., 1961. Древний Киев, т. 2. М.-Л 543 с
57. Каргер М.К., 1972. К истории полоцкого зодчества XII-XIII вв. // Новое в археологии. М с 43-67
58. Каргер М.К., 1976. К истории галицкого зодчества X-XIII вв. // КСИА, № 146 с 34-52.
59. Кирилович С.Р., 1982. Детинец Киева IX – первой половины XIII вв. Киев 176 с

60. Коваленко В.П., 1990. К исторической топографии черниговского детинца // Проблемы археологии Южной Руси. Киев с 115-128
61. Коваленко В.П., Раппопорт П.А., 1991. Новый памятник византийского зодчества на Черниговском детинце // Южная Русь и Византия. Киев с 115-128.
62. Колесов А.В., 1986. Мир человека в слове о Древней Руси. М 267 с
63. Ключевский В.О., 1919. Боярская Дума Древней Руси. СПб 284 с
64. Крыжановский С.П., 1858. О древностях у Десятинной церкви // ИАО, т. 1, вып. 5. СПб с 41-67
65. Куза А.В., 1984. Города в социально-экономической системе древнерусского феодального государства X-XIII вв. // Русский город, вып. 6, М с 4-36
66. Куза А.В., 1989. Малые города Древней Руси. М 161 с
67. Куза А.В., Леонтьев А.Е., Пушкина Т.А., 1982. Рец. // СА, № 2 с 277-288
68. Кузьмин С.Л., 1988. Некоторые жилищно-хозяйственные комплексы Старой Ладogi // Тихвинский сборник, Л с 80-81
69. Лимопов Ю.А. 1987. Владимиро-Суздальская Русь. Л 214 с
70. Липец Р.С., 1969. Эпос и Древняя Русь. М 326 с
71. Максимович М.А., 1877. Обзорение старого Киева. Собр. соч., т. 2. Киев 123 с
72. Мачинский Д.А., Шаскольский И.П., 1982. Рец. // СА, № 2 с 288-291
73. Милонов Н.П., 1937. Дмитровское городище. // СА, № 4 с 14-19
74. Мовчан І.І., 1975. Археологічні дослідження на Видубичах // Стародавні Київ. Київ. С 20-38
75. Мовчан І.І., 1991. Давнокиївська околиця. Київ 264 с.
76. Мораховская О.Н., 1996. Крестьянский двор. История названий усадебных участков. М 234 с
77. Носов Е.Е., 1984. Новгород и Новгородская округа в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // НИС, № 2 (12). Л с 32-45
78. Носов Е.Н., 1990. Новгородское (Рюриково) Городище, Л 211 с
79. Носов Е.Н. 1993 Проблема происхождения первых городов Северной Руси // Древности Северо-Запада, СПб с 59-78
80. Носов Е.Н., 1995. Новгородский детинец и Городище (к вопросу о ранних укреплениях и становлении Новгорода) // НИС, № 5 (15), СПб с 5-18
81. Орлов С.Н., 1965. К топографии исторических каменных зданий древнего Новгорода // Ученые записки НГГПИ, т. 1, вып. 1. Новгород с 56-91
82. Петров Н.И., 1897. Историко-топографические очерки древнего Киева. Киев 81 с
83. Пескова А.А., 1988. Древнерусский город Изяславль XII-XIII вв. Автореферат ... канд. Ист. наук 36 с.
84. Писарев А., 1824. Историческая выписка о дворцах княжеских в Киеве бывших, о которых в летописях упоминается. ЗТОИДР, ч. II. М с 10 -17.
85. Плужников С.А., 1995. Архитектурный словарь-гlossарий. М 318 с
86. Полонский Н.Д., 1911. Археологическія раскопки В.В.Хвойко 1909-1910 годов в м. Белгородкъ // Труды Московского предварительного комитета по устройству XV Археологического съезда. Т. 1 М. с 231-242
87. Потапов А.А., 1902. Очерк древней русской гражданской архитектуры // Древности ТМАО, вып. 1, т. XIX 194 с
88. Попов И.О., 1994. К вопросу о социальной типологии поселений Северо-Запада Восточной Европы VIII-XI вв. // Культурные трансляции и исторический процесс. СПб с 164-167
89. Попов И.О., 1997. Дворцовые комплексы Древней Руси X – начала XIII вв.: взаимодействие художественных и строительных традиций // Ладога и религиозное сознание. Третьи чтения памяти Анны Мачинской, СПб с 143-146

90. Попов И.О. [в печати]. Княжеский двор в древнем Ростове
91. Подобедова О.И., 1961. Миниатюры русских исторических летописей. Автореферат ... докт. ист. наук. М 48 с
92. ПСРЛ, т. 1. Лаврентьевская летопись. Л, 1962 345 с
93. ПСРЛ, т. 2. Ипатьевская летопись, М., 1964 368 с
94. Рабинович М.Г., 1978. Очерки этнографии русского феодального города. М 245 с
95. Равдина Т.В., 1963 Поливные керамические плитки из Пинска // КСИА, № 96 с 32-36
96. Раппопорт П.А., 1952. Волыньские башни.// МИА, № 31, М с 202-223
97. Раппопорт П.А., 1954. Холм. // СА, т. 20. М с 313-323
98. Раппопорт П.А., 1955. Очерки по истории русского военного зодчества X-XIII вв. // МИА, № 52, М.,-Л 184 с
99. Раппопорт П.А., 1958. Хабаров городок. // СА, № 3 с 225-228
100. Раппопорт П.А., 1961. Очерки по истории военного зодчества северо-восточной и северо-западной Руси. // МИА, № 105, М.,-Л 242 с
101. Раппопорт П.А., 1962. Мстибогов городок // КСИА, № 87 с 105-107
102. Раппопорт П.А., 1965. К вопросу о Плескне // СА, № 4 с 92-103
103. Раппопорт П.А., 1967. Военное зодчество западно-русских земель X-XIV вв. // МИА, № 140, М.,-Л 241 с
104. Раппопорт П.А., 1970. Городище Осовик // АО 1969 г., М с 72-73
105. Раппопорт П.А., 1971. Данилов // КСИА, № 125, М с 82-86
106. Раппопорт П.А., 1973. О методике археологических раскопок памятников древнерусского зодчества // КСИА, № 135 с 12-28
107. Раппопорт П.А., 1975. Древнерусское жилище. САИ, вып. Е1-32 178 с
108. Раппопорт П.А., 1982а. Архитектура Древней Руси и археология // КСИА, № 172. М с 3-9
109. Раппопорт П.А., 1982б. Русская архитектура X-XIII вв.: каталог памятников. САИ, вып. Е1-47, М 134 с
110. Раппопорт П.А., 1988. Новые данные об архитектуре древнего Гродно. // Древнерусское искусство. М с 64-72
111. Раппопорт П.А., 1993. Древнерусская архитектура. СПб 286 с
112. Раппопорт П.А., 1994. Строительное производство Древней Руси X-XIII вв. СПб 159 с
113. Раппопорт П.А., Шолохова Е.В., 1981. Дворец в Полоцке // КСИА, № 164. М с 91-99
114. Ратич А.А., 1974. К вопросу о княжеских дворцах в стольных городах Галицкой Руси XI-XIV вв. // Культура средневековой Руси. Л с 38-46
115. Ржига В.Ф., 1929. Очерки по истории быта домонгольской Руси. // РГИМ, вып. 5, М с 81-106
116. Рыбаков Б.А., 1959. Вщиж – удельный город XII в. // КСИИМК, вып. 38, М с 12-24
117. Рыбаков Б.А., 1963. Древняя Русь. Сказания, былины, летописи. М 346 с
118. Рыбаков Б.А., 1964. Любеч – феодальный двор Мономаха и Ольговичей. // КСИА, № 99. М с 15-28
119. Свердлов М.Б., 1983. Генезис и структура феодального общества в Древней Руси. Л 388 с
120. Седов В.В., 1989. Становление европейского раннесредневекового города // Становление европейского раннесредневекового города. М с 6-55
121. Сементовский Н.Л., 1857. Древности, открытые в 1857 г. у Десятинной церкви. // Галерея киевских достопримечательностей и древностей. Киев с 11-19.
122. Спегальский Ю.П., 1972. Жилище северо-западной Руси IX-XIII вв. Л 285 с
123. Срезневский Ю.П., 1912. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 3, СПб 231 с

124. Тимошук Б.А., 1990. Восточнославянская община VI-X вв. М 186 с
125. Тихомиров М.Н., 1956 Древнерусские города. М 478 с
126. Тиц А.А., 1963. Каменные жилые дома XVII – начала XVIII вв. в Гороховце // Памятники культуры, вып. 4. М с 114-139
127. Толочко П.П., 1976. Древний Киев. Киев 298 с
128. Толочко П.П., 1978. Нове у вивченні Київа // Археологія, № 2. Київ с 121-134.
129. Толочко П.П., 1989. Древнерусский феодальный город. Киев 265 с
130. Толочко П.П., Асеев Ю.С., 1972. Новый памятник архитектуры древнего Киева // Древнерусское искусство, М с 61-85
131. Толочко П.П., Килиевич Р.С., 1967. Новые исследования Старокиевской горы. // АИУ, вып. 1, Киев, 1967 с 14 -31
132. Толочко П.П., Высоцкий С.А. и др. , 1981. Новое в археологии Киева. Киев 287 с
133. Торшин Е.Н., 1991 Смоленское зодчество конца XII – начала XIII вв. Дипломная работа. Л 67 с
134. Фараджиева Н.Н., 1984. О некоторых спорных вопросах реконструкции новгородского жилища X-XIII вв. // НИС, № 2 (12), Л с 132-164
135. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю., 1988. Города-государства древней Руси. Л 270 с
136. Хвойко В.В., 1913. Древние обитатели среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). Киев 154 с
137. Холостенко Н.В., 1963. Черниговские каменные княжеские терема XI в. // АН, № 15. М с 14-32
138. Холостенко Н.В., 1965. З історії зодчества Древної Русі X ст. // Археологія, № 12. Київ. с 61-85
139. Хорошев А.С., 1978. Раскопки южной части Плотницкого конца // Археологическое изучение Новгорода. М с 12-37
140. Чукова Т.А., 1991. Интерьер в древнерусском храмовом зодчестве конца X – первой трети XIII вв. Автореферат ... кан. ист. наук. Л 32 с
141. Шелом'янів-Терський В.С., 1982. З історії давноруського міста Звенигорода (за матеріалами археологічних досліджень) // Київська Русь: культура і традиції. Київ с 23-28.
142. Шамбинаго С.К., 1900. Древнерусское жилище по былинам (к материалам для исследования бытовой стороны русского этноса) // Юбилейный сборник в честь В.Ф.Миллера, изданный его учениками и почитателями. М с 38-62
143. Шенников А.А., 1974. О значении термина «вежа» // Культура средневековой Руси. М. с 38-62
144. Штендер Г.М., 1992. Археологическое исследование каменного терема на Нутном раскопе. // Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. М с 65-98
145. Щапов Я.Н., 1989. Государство и церковь древней Руси X-XIII вв. М 314 с
146. Юшков С.В., 1939. Очерки по истории феодализма в Киевской Руси. М.,-Л 254 с
147. Янин В.Л., 1979. Из истории ранних попыток перепланировки Новгорода в XVIII вв. // Русский город: материалы и исследования, вып 2. М с 23-42
148. Янин В.Л., Колчин Б.А., 1978. Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М с 4-38
149. Iodkowski I., 1948. Pieczecie ruskie z XI-XII w. Znalezione w Grodnie i drogiczynie // PH, XXXVII. Warszawa s. 14-37
150. Gurba I., Kututowska I, 1970. Sprawozdamiez badan wczesnosredniowiecznego grdziska w Chatmie Lulshin // Sprawozdania archeologiczne, t. XXII s.32-57 .
151. Kotodziejcki S, 1993. Mittelalterliche wehrresidenzen der Machthaber anf dem Gebiet der Woiwodschaft. Rrakow. Warszawa. s.114-122
152. Skribinski S, 1960. Góra Zamkowa w Chetme // Zemlia Chetika s.14-19.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИУ - Археология и история Украины
АН - Архитектурное наследство
АО - Археологические открытия
АСГЭ - Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ЗОРСА - Записки Отделения Русской и Славянской Археологии
ЗТОИДР - Записки и Труды Общества Изучения Древностей
ИАО - Известия Археологического Общества
КСИА - Краткие Сообщения Института Археологии
КСИАУ - Краткие Сообщения Института Археологии Украины
КСИИМК - Краткие Сообщения Института Истории Материальной Культуры
МИА - Материалы и Исследования по Археологии СССР
НГГПИ - Новгородский Государственный Педагогический Институт
НИС - Новгородский Исторический Сборник
РГИМ - Российский Государственный Исторический Музей
СА - Советская Археология
САИ - Свод Археологических Источников
ТМАО - Труды Московского Археологического Общества